
.....Глава 8
**НОРМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА ПО ЗАЩИТЕ ЛИЦ,
ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ.....**

Цели обучения

- *Ознакомить участников с некоторыми наиболее важными нормами международного права, касающимися обращения с лицами, лишенными свободы, включая правовую обязанность государств предотвращать нарушения указанных норм, наказывать за такие нарушения и устранять их.*
- *Проиллюстрировать способы обеспечения применения на практике многочисленных правовых норм для защиты прав лиц, лишенных свободы.*
- *Разъяснить, какие правовые шаги, меры и/или действия должны быть предприняты судьями, прокурорами и адвокатами для защиты прав лиц, лишенных свободы.*

Вопросы

- *Сталкивались ли вы когда-либо с лишенными свободы лицами, которые жаловались на плохое обращение?*
- *Если да, когда и по какой причине заявленный случай плохого обращения имел место?*
- *Какие меры были приняты для исправления ситуации и каковы их результаты, если таковые имели место?*
- *Какие правила, касающиеся определения места содержания под стражей и регистрации лиц, лишенных свободы, существуют в вашей стране?*
- *Какие правила, определяющие порядок одиночного заключения, существуют в вашей стране? Например, по каким причинам, на какой срок и на каких условиях оно может применяться?*
- *Разрешено ли законодательством вашей страны содержание под стражей без права общения и переписки, и если да, на какой срок? Какие средства правовой защиты имеются в распоряжении лиц, находящихся под стражей без права общения и переписки? Как власти гарантируют отсутствие физического насилия или психологического давления в период нахождения задержанного или заключенного под стражей без права общения и переписки?*

Вопросы (продолжение)

- Будучи адвокатом, сталкивались ли вы с трудностями в отношении свободного и конфиденциального общения с клиентами, находящимися под стражей? Если да, какие вы приняли меры?
- Существуют ли в вашей стране особые проблемы, связанные с условиями содержания под стражей детей и женщин?
- Если да, в чем они заключаются, и какие меры, если они вообще принимались, были приняты для исправления ситуации?
- Каков в вашей стране официальный порядок подачи и рассмотрения жалоб на предполагаемое плохое обращение с задержанными и заключенными, включая женщин и детей?

Соответствующие правовые документы

Универсальные документы

- Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 год
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 1984 год
- Женевские конвенции 1949 года и два Дополнительных протокола, 1977 год
- Статут Международного уголовного суда, 1998 год
- Всеобщая декларация прав человека, 1948 год

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, 1955 год
- Основные принципы обращения с заключенными, 1990 год
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 год
- Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных и задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, 1982 год
- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, 1979 год
- Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений, 1992 год
- Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней, 1989 год

Соответствующие правовые документы (продолжение)

Региональные документы

- Африканская хартия прав человека и народов, 1981 год
- Американская конвенция о правах человека, 1969 год
- Межамериканская конвенция о предупреждении пыток и наказании за их применение, 1985 год
- Межамериканская конвенция о насильственных исчезновениях лиц, 1994 год
- Европейская конвенция о правах человека, 1950 год
- Европейская конвенция о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, 1987 год

Введение

В настоящей главе даются пояснения к основным нормам международного права, регулирующим обращение с лицами, лишенными свободы, а также приводятся примеры интерпретации данных норм международными контрольными органами.

Обращение с задержанными и заключенными всех категорий остается одной из сложных проблем в плане улучшения в целом уважения достоинства человеческой личности. Оказавшись в приниженном и незащищенном положении, арестованное лицо, содержащееся под стражей до суда или отбывающее тюремное заключение по приговору суда, в значительной мере зависит от милости полицейских и тюремной администрации. Задержанный или заключенный фактически отрезан от внешней жизни и потому весьма восприимчив к обращению, нарушающему его права. Продолжительное и широкое применение пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания в отношении данной категории людей, чьи крики о помощи в момент боли не могут быть услышаны никем, кроме сокамерников, наносят невыносимое оскорбление человеческому достоинству.

Международное право в области прав человека, тем не менее, содержит строгие правила обращения с задержанными и заключенными, применимые все время, и на государства возложена правовая обязанность принимать необходимые законодательные и практические меры, с тем чтобы положить конец любой практике, нарушающей эти правила. В связи с этим задача судей, прокуроров и адвокатов прежде всего состоит в содействии более точному соблюдению правовых норм, позволяющих защитить жизнь, безопасность и достоинство людей, лишенных свободы. В своей

повседневной работе эти представители юридических профессий, когда они сталкиваются с людьми, подозреваемыми или обвиняемыми в преступной деятельности, должны с постоянной бдительностью отслеживать признаки пыток, признаний, данных под давлением жестокого обращения или физического принуждения, а также других видов физического или психического давления. Таким образом, судьи, обвинители и адвокаты не только играют ключевую роль в этой связи, но и имеют своим профессиональным долгом обеспечение эффективного выполнения действующих внутренних и международных правил по защите прав лиц, лишенных свободы.

В настоящей главе, во-первых, рассматриваются такие понятия, как пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, в частности проблемы одиночного заключения, а более конкретно, проблемы заключения с лишением права переписки и общения. Кроме того, кратко поясняются определенные проблемы, с которыми сталкиваются задержанные лица, принадлежащие к уязвимым группам, такие как дети и женщины. Однако более подробно права детей и женщин при отправлении правосудия рассматриваются в главах 10 и 11, соответственно. Данная глава затрагивает такие аспекты содержания под стражей, как размещение, физические упражнения, охрана здоровья задержанных и заключенных, а также их контакты с внешним миром посредством посещений и переписки. В третьих, в настоящей главе приведен порядок подачи и рассмотрения жалоб, право на которые имеет в любое время каждый человек, лишенный свободы. И наконец, в настоящей главе содержатся некоторые рекомендации относительно того, каким образом судьи, прокуроры и адвокаты могут более эффективно бороться с применением пыток и других противозаконных видов обращения с задержанными и заключенными.

Употребление терминов

В настоящей главе термины “задержанный” и “задержанное лицо” означают любое лицо, лишенное личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения, а термины “заключенный” и “заключенное лицо” – лицо, лишенное личной свободы за совершение какого-либо правонарушения. Однако следует отметить, что в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными термин “заключенный” используется в общем смысле и охватывает как подсудимых, так и осужденных лиц, что необходимо иметь в виду при цитировании данных правил или какой-либо другой ссылке на них.

2. Запрещение пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания

2.1 Вступительные замечания

Право на жизнь и запрет на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания не только нашли отражение во всех основных общих договорах по правам человека и в других многочисленных документах по правам человека, но и четко прослеживаются в международном гуманитарном праве. Например, в соответствии с пунктом 1 а) общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года, касающихся вооруженных конфликта, не носящих международного характера, “посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания” всегда и всюду будут запрещаться в отношении “лиц, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях”. Кроме того, в соответствии с пунктом 2 а) статьи 75 Дополнительного протокола I и пунктом 2 а) статьи 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, которые касаются вооруженных конфликтов, носящих, соответственно, международный и немеждународный характер, аналогичным образом запрещаются “насилие над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц”, в частности убийство, пытки, телесные наказания и увечья.

Безоговорочный характер права на жизнь и права на защиту от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания еще более подчеркивается тем, что эти права не могут быть исключены из международного законодательства по правам человека даже в случае глубокого кризиса. Это становится очевидным из статьи 4(2) Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 27(2) Американской конвенции о правах человека и статьи 15(2) Европейской конвенции о правах человека. Статья 2(2) Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания также гласит, что “никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток”. Кроме того, в статье 5 Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за их применение говорится, что “как опасный характер задержанного или заключенного, так и необходимость в обеспечении безопасности тюремного или исправительного учреждения не может служить оправданием пыток”.

Фундаментальный характер запрещения пыток еще более подчеркивается тем, что согласно статье 7 Римского статута Международного уголовного суда пытки представляют собой **преступление против человечности**, “когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и если такое нападение совершается сознательно”. “Пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты” также являются **военными преступлениями и серьезным нарушением** Женевских конвенций 1949 года в рамках того же Статута (пункт 2 а) (ii) статьи 8).

В дополнение к этой совокупности норм международного права применение пыток нередко запрещается на уровне страны. Существование пыток, таким образом, является не правовой проблемой, а проблемой реализации на практике правовых норм, что представляет собой серьезную задачу, которую необходимо решить мировому сообществу.

2.2 Правовые обязательства государств

Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что “никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию” и, в частности, “ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам”. В Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека разъясняет, что цель данной статьи заключается “как в защите достоинства, так и в обеспечении физической и психической неприкосновенности личности”¹. Особо подчеркивается, что “государство-участник обязано путем принятия законодательных и других необходимых мер обеспечивать защиту любого лица от действий, запрещенных в статье 7, независимо от того, совершаются ли эти действия лицами, действующими в рамках своих официальных полномочий, вне рамок этих полномочий или в личном качестве”². Содержащееся в статье 7 запрещение “дополняется позитивными требованиями пункта 1 статьи 10 Пакта, в котором предусматривается, что ‘все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности’”³.

В статье 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания говорится, что “каждое Государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные или другие меры для **предупреждения** актов пыток на любой территории под его юрисдикцией” (курсив наш). Согласно статье 12 Конвенции, каждое Государство-участник, кроме того, обеспечивает, “чтобы его компетентные органы проводили

¹ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 189, пункт 2.

² Там же, цит. место.

³ Там же.

быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией” (курсив наш). В своих рекомендациях государствам-участникам Комитет против пыток постоянно подчеркивал, что им “следует обеспечить тщательное расследование всех сообщаемых случаев предполагаемых пыток и жестокого обращения” со стороны гражданских или военных органов власти “и, когда это необходимо, уголовное преследование по этим случаям”⁴.

Для того чтобы виновные в пытках не были **освобождены от ответственности**, Комитет против пыток также рекомендовал государствам-участникам исключить возможность того, чтобы “связанные с пытками преступления подпадали под законы об амнистии”⁵.

Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что Комитет против пыток неоднократно рекомендовал государствам-участникам “**предусмотреть возможность отмены законов, которые могут ущемлять независимость судебной власти**”⁶, а в том, что касается конкретной проблемы ограничений в отношении срока полномочий назначаемых лиц, привести свое законодательство в соответствие с Основными принципами независимости судебных органов 1985 года и Руководящими принципами, касающимися роли лиц, осуществляющих судебное преследование 1990 года⁷.

В Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека также указал, что статью 7 Международного пакта о гражданских и политических правах следует рассматривать в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта, касающимся обязанности государств-участников обеспечить **эффективные средства правовой защиты** лицам, права и свободы которых нарушены⁸. Это предполагает, в частности, что “во внутреннем законодательстве должно быть признано право подачи жалобы в отношении неправильного обращения, запрещенного статьей 7”, и что “жалобы должны расследоваться безотлагательно и беспристрастно компетентными органами с целью обеспечения эффективного использования данного средства правовой защиты”⁹. Комитет против пыток также подчеркнул важность введения “эффективной и надежной системы представления жалоб, которая позволяла бы жертвам пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания подавать жалобы”¹⁰.

⁴ Например, в отношении Перу см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/50, стр. 27, пункт 61 а).

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ Например, в отношении Перу см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/44, стр. 27, пункт 60; и в отношении Азербайджана см. там же, стр. 30, пункт 69 d).

⁷ В отношении Кыргызстана см. там же, стр. 33, пункт 75 d).

⁸ *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 158, пункт 14.

⁹ Там же, цит. место (курсив наш).

¹⁰ Например, в отношении Польши см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/44, стр. 39, пункт 94.

Наконец, в отношении проблемы *освобождения от наказания* Комитет по правам человека отметил, что “амнистии обычно несовместимы с обязанностью государств проводить расследование таких деяний, гарантировать свободу от таких актов в пределах своей юрисдикции и обеспечивать, чтобы они не повторялись в будущем”¹¹. Таким образом, в отношении законов об амнистии Комитет по правам человека и Комитет против пыток имеют единое мнение. В связи с этим Комитет по правам человека заявил, что “государства не могут лишать лиц права на эффективное использование какого-либо средства защиты, включая компенсацию и такую полную реабилитацию, которая может оказаться возможной”¹².

Межамериканский суд по правам человека, среди прочего, дал достаточно подробные пояснения в отношении обязанности государств в соответствии со статьей 1 Американской конвенции о правах человека. В отношении обязанности “обеспечить ... свободное и полное осуществление” прав и свобод, гарантированных данной Конвенцией, Суд, таким образом, заявил, что это

“... подразумевает обязанность государств-участников организовать правительственный аппарат и, в общем, все структуры, с помощью которых будет реализовываться правомочие населения, так, чтобы они были способны в законном порядке обеспечить свободное и полное соблюдение прав человека. Как следствие данного обязательства, государства должны предотвращать любые нарушения прав, признанных Конвенцией, расследовать их и наказывать за них и, более того, должен, по возможности, стараться восстановить нарушенные права и компенсировать согласно данным гарантиям ущерб, возникший в результате подобных нарушений”¹³.

В связи с этим Суд также добавил, что

“обязательство обеспечить свободное и полное осуществление прав человека не сводится к наличию правовой системы, предназначенной для того, чтобы сделать возможным выполнение данного обязательства – также необходимо, чтобы правительство само по себе действовало так, чтобы эффективно гарантировать свободное и полное осуществление прав человека”¹⁴.

Это, в частности, означает, что судьям, лицам, осуществляющим судебное преследование, и адвокатам необходимо создать условия для эффективного выполнения работы независимо от органов власти.

¹¹ Замечание общего порядка № 20, Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 193, пункт 15.

¹² Там же, цит.место.

¹³ *I-A Court HR, Velásquez Rodríguez Case, judgment of July 29, 1988, Series C, No. 4, p. 152, para. 166.*

¹⁴ *Ibid.*, para. 167.

При рассмотрении дела о предполагаемом изнасиловании и плохом обращении с содержащейся под стражей женщиной, дело *Айдин*, Европейский суд по правам человека напомнил, что статья 13 Европейской конвенции о правах человека “гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения по существу осуществления прав и свобод, изложенных в настоящей Конвенции, в какой бы форме оно ни обеспечивалось в соответствии с внутренним правом”.

“Смысл данной статьи, таким образом, заключается в требовании обеспечить то или иное внутреннее средство правовой защиты, позволяющее компетентному национальному органу как рассматривать суть соответствующей жалобы согласно Конвенции, так и принимать корректирующие меры, хотя договаривающиеся государства имеют определенные дискреционные возможности в отношении способов выполнения своих обязательств согласно данному положению”¹⁵.

Хотя “пределы обязательств по статье 13 варьируются в зависимости от характера жалобы, подаваемой заявителем в соответствии с Конвенцией”, тем не менее,

“требуемое средство правовой защиты... должно быть ‘эффективным’ *на практике, так же как и законодательно*, в частности в том смысле, что его применение не должно неоправданно затрудняться действиями или бездействием органов власти государства-ответчика...”¹⁶.

Европейский суд в отношении данного дела добавил, что

“характер права, гарантированного статьей 3 Конвенции, имеет последствия для статьи 13. Учитывая принципиальную важность запрещения пыток и особую уязвимость жертв пыток ... статья 13 налагает, без ущерба для любого другого имеющегося в рамках национальной системы средства правовой защиты, на государства обязанность проводить тщательное и эффективное расследование случаев пыток.

Соответственно, при наличии у отдельного лица спорной жалобы на то, что в отношении него или нее были применены пытки со стороны представителей государства, понятие ‘эффективное средство правовой защиты’ предусматривает, в дополнение к выплате в соответствующих случаях компенсации, тщательное и эффективное расследование, которое позволило бы установить и наказать ответственных за подобные действия, включая безотказный доступ истца к процедуре расследования”¹⁷.

Наконец, несмотря на то что, в отличие от статьи 12 Конвенции против пыток 1984 года, статья 13 Европейской конвенции не налагает *дословно*, “обязанность проводить ‘быстрое и беспристрастное’

¹⁵ *Eur. Court HR, Aydin v. Turkey, judgment (Grand Chamber) of 25 September 1997, Reports 1997-VI*, p. 1895, para. 103.

¹⁶ *Ibid.*, loc. cit. (курсив наш).

¹⁷ *Ibid.*, pp. 1895-1896, para. 103.

расследование во всех случаях, когда имеются достаточные основания пролагать, что пытка была применена”, однако “такое требование подразумевается в понятии ‘эффективное средство правовой защиты’ в соответствии со статьей 13”¹⁸. Следовательно, в деле *Айдин* была нарушена статья 13, поскольку “не было проведено тщательное и эффективное расследование в отношении заявлений истца и... это ...нанесло ущерб эффективности любых других средств правовой защиты, которые, возможно, существовали, учитывая центральную роль государственного обвинителя в системе средств правовой защиты в целом, включая выплату компенсации”¹⁹.

Более детальный анализ правовой обязанности государств предотвращать нарушения прав человека, расследовать их, преследовать в судебном порядке и наказывать за них, см. главу 15 настоящего Пособия.

2.3 Пытки и жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания: понятия и определения

В статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах не содержится какого-либо определения охватываемых ею понятий, и Комитет по правам человека “не считает необходимым разрабатывать перечень запрещенных действий или устанавливать четкие разграничения между различными формами наказания или обращения”, поскольку “эти разграничения зависят от характера, цели и жестокости применяемого обращения”²⁰. Тем не менее очевидно, что “предусмотренное статьей 7 запрещение касается не только действий, причиняющих жертве физическую боль, но и действий, вызывающих психические страдания”, и, кроме того, оно распространяется на “чрезмерную порку, назначаемую в качестве наказания за преступление или в качестве воспитательной или дисциплинарной меры”²¹.

В одном случае, однако, Комитет по правам человека отметил, что оценка того, что составляет *бесчеловечное и унижающее достоинство обращение* “зависит от всех обстоятельств дела, например продолжительности и вида обращения, физического или психологического воздействия, а также пола, возраста и состояния здоровья пострадавшего”²².

¹⁸ Ibid., para. 103 at p. 1896.

¹⁹ Ibid., p. 1898, para. 109.

²⁰ См. Замечание общего порядка № 20, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 190, пункт 4.

²¹ Там же, пункт 5.

²² Communication No. 265/1987, *A. Vuolanne v. Finland* (Views adopted on 7 April 1989), в UN doc. *GAOR*, A/44/40, p. 256, para. 9.2.

Для целей Конвенции против пыток термин “пытка” означает

“любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно” (пункт 1 статьи 1).

Согласно статье 16 Конвенции против пыток, “каждое Государство-участник обязуется предотвращать ... другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, которые не подпадают под определение пытки, содержащееся в статье 1, когда такие акты совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия”.

В деле *Луайзы Томайо* Межамериканский суд по правам человека разъяснил, что:

“нарушение права на физическую и психологическую неприкосновенность личности является категорией нарушения, имеющей несколько градаций и охватывающей обращение, варьирующееся от пытки до других видов унижения или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения с различной степенью физического и психологического воздействия, обусловленной внутренними и внешними факторами, которое должно доказываться в каждом конкретном случае”²³.

Ссылаясь на решения Европейского суда по правам человека по *ирландскому делу* и делу *Рибича*, Межамериканский суд добавил, что

“даже при отсутствии телесных повреждений психологические и нравственные страдания, сопутствующие душевному волнению в ходе допроса, могут считаться бесчеловечным обращением. Аспект унижения характеризуется страхом, беспокойством и чувством неполноценности, которые вызываются с целью унижить и оскорбить жертву, а также сломить ее физическое и моральное сопротивление... Обстоятельства отягощаются уязвимостью лица, незаконно содержащегося под стражей... Любой факт применения

²³ I-A Court HR, *Case of Loayza Tamayo v. Peru, judgment of September 17, 1997*, in OAS doc. OAS/Ser.L/V/III.39, doc. 5, *Annual Report of the Inter-American Court of Human Rights 1997*, p. 211, para. 57.

силы, не вызванный острой необходимостью обеспечить надлежащее поведение со стороны задержанного, является посягательством на достоинство человеческой личности... в нарушение статьи 5 Американской конвенции. Необходимые действия в ходе расследования и очевидные сложности в борьбе с терроризмом не должны служить ограничением для защиты права человека на физическую неприкосновенность”²⁴.

В отношении запрета на “пытки или ... бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание”, предусмотренного в статье 3 Европейской конвенции о правах человека, Европейский суд по правам человека заявил, что различие между “пыткой” и “бесчеловечным или унижающим достоинство обращением” “отражает главным образом различие в степени причиняемых страданий”²⁵. По мнению Суда, “из этого явствует..., что идея Конвенции, в которой проводится различие между “пыткой” и “бесчеловечным или унижающим достоинство обращением”, в том чтобы заклеить первый из этих терминов как преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее чрезвычайно серьезные мучительные страдания”²⁶.

Суд постоянно подчеркивает абсолютный запрет подобного обращения в соответствии со статьей 3, что свидетельствует о том, что в ней “закреплена одна из основополагающих ценностей демократических государств, входящих в Совет Европы”²⁷. Учитывая “предмет и цель Конвенции как документа по защите прав человека”, положения статьи 3 должны, как и любые другие положения этой Конвенции, “толковаться и применяться таким образом, чтобы сделать ее гарантии *реальными и эффективными*”²⁸.

Ниже приведены некоторые примеры действий, рассматриваемых как нарушающие международный запрет на пытки и/или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание лиц, лишенных свободы, или, в редких случаях, исполнения наказания.

2.3.1 *Изнасилование как вид пытки*

В деле *Айдин*, которое упоминалось выше, истцу, гражданке Турции курдского происхождения, было всего 17 лет, когда вместе с отцом и невесткой, она была задержана силами безопасности. Во время содержания под стражей она была изнасилована и подвергалась плохому обращению. Принимая во внимание сведения, полученные Европейской комиссией по

²⁴ Ibid., loc. cit.

²⁵ Eur. Court HR, *Case of Ireland v. the United Kingdom*, judgment of 18 January 1978, Series A, No. 25, p. 66, para. 167.

²⁶ Ibid., loc. cit. См. позже рассматривавшееся дело Eur. Court HR, *Aydin v. Turkey*, judgment (Grand Chamber) of 25 September 1997, Reports 1997-VI, p. 1891, para. 82.

²⁷ Eur. Court HR, *Soering v. the United Kingdom*, judgment of 7 July 1989, Series A, No. 161, p. 34, para. 88.

²⁸ Ibid., para. 87 (курсив наш).

правам человека в отношении обстоятельств рассматриваемого дела, Суд постановил, что

“Изнасилование задержанной государственным должностным лицом должно рассматриваться как особо тяжкая и отвратительная форма плохого обращения, принимая во внимание легкость, с которой преступник может воспользоваться уязвимостью и слабостью сопротивления со стороны жертвы. Кроме того, изнасилование оставляет глубокий след на психике жертвы, который не проходит со временем столь же быстро, как другие формы физического или морального насилия. Заявитель во время насилия также испытала острую боль в момент пенетрации, что унизило ее и нанесло ей оскорбление как физически, так и эмоционально”²⁹.

Кроме того, заявитель, “находясь под стражей в главном жандармском управлении в руках у сил безопасности города Дерик, подверглась целому ряду особо устрашающих и унижительных испытаний в силу своей половой принадлежности, юного возраста, а также условий содержания”; она

“... находилась под стражей более трех дней, в течение которых она, должно быть, была сбита с толку и дезориентирована, поскольку у нее были завязаны глаза, а также испытывала постоянную физическую боль и душевные страдания, что было вызвано побоями в ходе допросов и чувством страха перед тем, что случится с ней в будущем. Ее также водили обнаженной при унижительных обстоятельствах, что усиливало общее чувство уязвимости. Кроме того, в одном случае, она была связана бандажом и подвергнута воздействию воды под высоким давлением”³⁰.

Суд, таким образом,

“... убедился, что совокупность актов физического и морального насилия в отношении заявителя и в особенности жестокий акт изнасилования, которому она подверглась, эквивалентны пытке, что является нарушением статьи 3 Конвенции”³¹.

В деле против Перу Межамериканская комиссия по правам человека также столкнулась со случаем изнасилования, совершенным военнослужащими. Хотя женщина не была задержанной как таковой, она была беззащитна перед лицом людей, которые силой увезли – и в конечном счете убили – ее мужа. В ночь, когда ее мужа насильно увезли из дома, г-жа Мехия была дважды изнасилована офицером вооруженных сил³². Комиссия сочла все заявленные

²⁹ *Eur. Court HR, Aydin v. Turkey, judgment (Grand Chamber) of 25 September 1997, Reports 1997-VI, p. 1891, para. 83.*

³⁰ *Ibid.*, para. 84.

³¹ *Ibid.*, p. 1892, para. 86.

³² *I-A Comm. HR, Report No. 5/96, Case 10.970 v. Peru, March 1, 1996, in OAS doc. OEA/Ser.L/V/II.91, doc. 7 rev., Annual Report of the Inter-American Commission on Human Rights 1995, pp. 158-159.*

факты соответствующими действительности; по мнению ее членов, “достоверность версии, представленной заявителем”, подтверждается различными докладами межправительственных и неправительственных органов, в которых задокументированы “многочисленные факты изнасилования женщин служащими сил безопасности в районах чрезвычайной обстановки в Перу и в которых упомянут и описан конкретный случай с Ракель Мехия”³³. Таким образом, признав ответственность вооруженных сил Перу за совершение насилия в отношении г-жи Мехия и отсутствие в Перу эффективных средств правовой защиты на уровне страны, Комиссия постановила, что

“Согласно существующим нормам международного права сексуальное надругательство, совершенное служащими сил безопасности, независимо от того, является ли это результатом преднамеренной практики, поддерживаемой государством, или результатом неисполнения со стороны государства обязательств по предотвращению данного вида преступления, представляет собой нарушение прав человека пострадавшего лица, особенно права на физическую и психологическую неприкосновенность”³⁴.

В поддержку данной точки зрения Комиссия, в частности, сослалась на статьи 27 и 147 четвертой Женевской конвенции 1949 года, общую статью 3 Женевских конвенций, статью 76 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, пункт 2 статьи 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям и статью 5 Статута Международного уголовного суда 1998 года³⁵.

Комиссия интерпретировала понятие “пытка” в статье 5 Американской конвенции о правах человека в свете определения этого понятия, содержащегося в Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за их применение; согласно этому определению, пытка подразумевает сочетание следующих трех факторов:

- ❖ “это должно быть преднамеренное действие в отношении человека, вызывающее физическую и душевную боль и страдания”;
- ❖ “это действие должно быть совершено с какой-либо целью”; и
- ❖ “такое действие должно быть совершено государственным должностным лицом или частным лицом, действующим по наущению первого”³⁶.

Все перечисленные факторы присутствовали в деле г-жи Мехия. В отношении *первого* фактора Комиссия полагает “что изнасилование является физическим и моральным надругательством, совершенным в результате насильственного действия”; оно, кроме того, “приносит физические и душевные страдания жертве. Помимо оскорбления действием изнасилование обычно является причиной телесных повреждений или, в некоторых случаях, беременности жертв. Последствием подобного рода насилия также бывает

³³ Ibid., pp. 174-175.

³⁴ Ibid., p. 182.

³⁵ Ibid., pp. 182-184.

³⁶ Ibid., p. 185.

психологическая травма, которая, с одной стороны, вызывается перенесенным унижением и обретением статуса потерпевших, а с другой – осуждением со стороны членов общины, если становится известно о том, что с ними случилось”³⁷. Этот фактор имел место в данном случае, поскольку г-жа Мехия “стала жертвой изнасилования ... в результате насильственного действия, (причинившего) ей ‘физическую и душевную боль и страдания’”³⁸. Что касается *второго* фактора, было установлено, что изнасилование г-жи Мехия было совершено “с целью ее личного наказания и запугивания”; виновный сказал ей, что “ее так же как и ее мужа, разыскивают за осуществление подрывной деятельности” и что “ее имя находится в списке лиц, связанных с терроризмом”. Этот человек также пригрозил ей тем, что вернется и вновь изнасилует ее³⁹. И наконец, в отношении *третьего* фактора Комиссия заключила, что мужчина, изнасиловавший г-жу Мехия, был служащим сил безопасности, которого самого сопровождала большая группа солдат⁴⁰.

Учитывая, что все три фактора, составляющие понятие “пытка”, присутствовали в деле, Комиссия пришла к заключению, что Перу нарушило статью 5 Американской конвенции о правах человека⁴¹. Также было признано, что случаи изнасилования, которым подверглась г-жа Мехия, представляют собой нарушение статьи 11 Конвенции, касающейся права на неприкосновенность частной жизни, в том, что “они затронули физическую и психологическую неприкосновенность, а также личное достоинство”; и действительно, как отметила Комиссия, помимо нарушения физической и психологической неприкосновенности пострадавших сексуальное надругательство “подразумевает намеренное грубое оскорбление чувства их собственного достоинства”⁴². И наконец, государство Перу нарушило пункт 1 статьи 1, пункт 1 статьи 8 и статью 25 Конвенции, поскольку не обеспечило эффективных средств правовой защиты в отношении данных правонарушений⁴³.

2.3.2 *Обращение с задержанными и заключенными*

О распространении пыток и других незаконных форм обращения с лицами, лишенными свободы, прямо свидетельствует судебная практика, например Комитета по правам человека, которая содержит многочисленные примеры нарушений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта, при этом целями подобных нарушений, среди прочего, было получение признаний. Если представлен достаточно подробный отчет об избиениях и других формах плохого обращения и упомянутое в нем государство-участник не реагирует на него или не оспаривает содержащиеся в нем утверждения, Комитет полагает, что предоставленная информация составляет нарушение

37 Ibid., p. 186.

38 Ibid., loc. cit.

39 Ibid., pp. 186-187.

40 Ibid., p. 187.

41 Ibid., loc. cit.

42 Ibid., pp. 187-188.

43 Ibid., p. 193. Это же справедливо в отношении убийства ее мужа, *ibid.*, loc. cit.

статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта, либо вместе взятых, либо по отдельности, в зависимости от степени грубости подобного обращения⁴⁴.

Что касается средств принуждения, применяемых к задержанным лицам, Комитет против пыток рекомендовал Соединенным Штатам Америки отменить “электрические парализующие пояса и парализующие кресла в качестве методов воздействия на находящихся под стражей лиц”, поскольку их применение практически неизбежно ведет к нарушению статьи 16 Конвенции против пыток, в которой жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания объявляются вне закона⁴⁵.

В деле против Заира Африканская комиссия по правам человека и народов пришла к заключению, что “избиение задержанных кулаками, палками и ногами, содержание заключенных в цепях и применение к ним воздействия электрическим током, физического подвешивания и окунания в воду... являются оскорблением человеческого достоинства”; подобные действия, вместе взятые или совершенные по отдельности, представляют собой нарушение статьи 5 Африканской хартии⁴⁶. Аналогичным образом, в деле против Малави Комиссия пришла к выводу, что меры воздействия, которым подвергались Вера и Ортон Чирва в период нахождения в тюрьме, “совместно и по отдельности”, являются явным нарушением статьи 5; плохое обращение и дисциплинарные наказания в отношении этих людей включали уменьшение пищевого рациона, заковывание рук и ног в цепи на два дня без доступа к умывальнику и туалету, содержание в темной камере без естественного освещения, воды или пищи, вынужденная нагота, а также

⁴⁴ Среди целого ряда дел см., например: Сообщение № 328/1988, *Р. Зелайя Бланко против Никарагуа* (соображения приняты 20 июля 1994 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/49/40 (том II), стр. 15–16, пункты 6.5–6.6 и стр. 18, пункт 10.5: попытки добиться признания под давлением угроз, избиений, убийства товарищей по заключению и т. д. в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта; Сообщение № 613/1995, *А. Лихонг против Ямайки* (соображения приняты 13 июля 1999 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том II), стр. 60, пункт 9.2: случаи жестокого обращения и условия содержания “нарушают право автора сообщения на гуманное обращение и уважение достоинства как человеческой личности, а также его право не подвергаться **жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению**” согласно статье 7 и пункту 1 статьи 10 (курсив наш); автор, находившийся в камере смертников, избивался тюремными надзирателями, при этом врач к нему был допущен лишь однажды, хотя поступали и другие просьбы; Сообщение № 481/1991, *Дж. Виллакнес Ортега против Эквадора* (соображения приняты 8 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, A/52/40 (том II), стр. 4, пункт 9.2, ср. со стр. 2, пункт 2.4: плохое обращение со стороны тюремного персонала после попытки побега, предпринятой сокамерниками автора; у автора, помимо прочего, имелись “множественные черные подтеки на животе и грудной клетке в результате воздействия электрических разрядов”; обращение было признано “**жестоким и бесчеловечным**” в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта (курсив наш); Сообщение № 612/1995, *Аруако против Колумбии* (соображения приняты 29 июля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том II), стр. 175, пункт 8.5: **пытка** двух братьев в нарушение статьи 7, потерпевшим, в частности, “завязывали глаза и погружали их с головой в канал”.

⁴⁵ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/44, стр. 54, пункт 180 с).

⁴⁶ *ACHPR, World Organisation against Torture and Others v. Zaire, Communications Nos. 25/89, 47/90, 56/91 and 100/93, decision adopted during the 19th session, March 1996*, пункт 65 текста решения, опубликованного на веб-сайте: <http://www.up.ac.za/chr/>.

избиение палками и железными прутьями; это были “примеры пыток, жестокого и унижающего человеческого достоинства наказания и обращения”⁴⁷.

Межамериканский суд по правам человека также неоднократно сталкивался со случаями, связанными с пытками и другими видами плохого обращения, как, например, в так называемом деле *Дети улицы*, при рассмотрении которого Суд установил, что после насильственного похищения силами государственной безопасности Гватемалы и до убийства “физическая и психологическая неприкосновенность” четырех подростков была нарушена и что “они стали *жертвами плохого обращения и пыток*” вразрез пункту 1 статьи 5 и статье 2 Американской конвенции о правах человека⁴⁸.

В деле *Кастильо-Паеса*, связанном с похищением и исчезновением жертвы, Межамериканский суд по правам человека вынес решение о том, что вопреки праву человека на гуманное обращение, гарантированному статьей 5, г-н Кастильо-Паес был помещен в багажник автомобиля, принадлежащего властям, и “даже если не было какое-либо другое физическое или иное грубое обращение, одно только данное действие должно четко рассматриваться как вступающее в противоречие с чувством собственного достоинства человека”⁴⁹.

В *ирландском* деле Европейский суд по правам человека решил, что комплексное применение пяти методов допроса людей, арестованных в Северной Ирландии в 1971 году, является фактом *бесчеловечного отношения* в смысле статьи 3 Европейской конвенции о правах человека. Суд установил, что данные методы, включавшие стояние у стены, надевание мешка на голову, шумовое воздействие, лишение сна, а также лишение пищи и питья, “предумышленно применялись в сочетании в течение нескольких часов без перерыва” и “привели, хотя и не к реальным телесным повреждениям, но к сильнейшим физическим и душевным страданиям лиц, подвергнутых этим видам воздействия, а также к острым психическим расстройствам во время допроса”⁵⁰. По мнению Суда, данные методы допроса, кроме того, были “*унижающими достоинство*”, так как имели целью вызвать у жертв чувство страха, страдания и чувство неполноценности, способные оскорбить и унижить их, а также, возможно, сломить их физическое или моральное сопротивление”⁵¹.

⁴⁷ ACHPR, *Krishna Achuthan and Amnesty International (on behalf of Aleke Banda and Orton and Vera Chirwa) v. Malawi*, Communications Nos. 64/92, 68/92 and 78/92, decision adopted during the 16th session, October-November 1994, пункт 33 текста решения, опубликованного на веб-сайте: <http://www.up.ac.za/chr/>.

⁴⁸ I-A Court HR, *Villagrán Morales et al. case v. Guatemala*, judgment of November 19, 1999, Series C, No. 63, p. 180, para. 177 совместно с p. 176, para. 186 (курсив наш).

⁴⁹ I-A Court HR, *Castillo-Pbez case*, judgment of November 3, 1997, in OAS doc. OAS/Ser.L/V/III.39, doc. 5, Annual Report Inter-American Court of Human Rights 1997, p. 264, para. 266.

⁵⁰ Eur. Court HR, *Case of Ireland v. the United Kingdom*, judgment of 18 January 1978, Series A, No. 25, p. 66, para. 167.

⁵¹ Ibid., p. 66, para. 167 (курсив наш).

В деле *Томази против Франции* заявителя подвергли полицейскому допросу, длившемуся 40 часов, в течение которого ему “давали пощечины, били ногами и кулаками, заставляли длительное время стоять без опоры скованными за спиной руками; в него плевали, заставляли стоять обнаженными перед открытым окном, лишали пищи, угрожали и т. д.”⁵². Европейский суд по правам человека признал, что подобное обращение носит “бесчеловечный и унижающий достоинство характер”, при этом Суд особо подчеркнул, что “потребности расследования и бесспорная сложность борьбы с преступностью, особенно с терроризмом, не могут вести к ограничению защиты физической неприкосновенности людей”⁵³.

В более позднем деле *Аксоя* Суд, однако, пришел к заключению, что заявитель был подвергнут *пыткам*. В данном случае Суд заявил, что “когда человек взят под стражу в полиции в полном здравии, а в момент освобождения обнаруживается наличие у него телесных повреждений, государство обязано предоставить правдоподобные объяснения причин повреждений; неисполнение этого совершенно четко влечет за собой вопрос, подлежащий обсуждению в Суде по статье 3 Конвенции”⁵⁴. В соответствии со сведениями, полученными Европейской комиссией по правам человека, Суд признал, что г-н Аксой, в частности, был подвергнут так называемому “палестинскому подвешиванию”, то есть “был раздет донага и подвешен за руки, связанные за спиной”. По мнению Суда:

“такое обращение может быть только умышленным; действительно, для его осуществления требуются определенная подготовка и усилия. Вероятно, оно было применено с целью получения признания или информации от заявителя. Помимо сильной боли, которую оно, должно быть, причиняло во время применения, такое обращение, как показывает медицинское свидетельство, привело также к параличу обеих рук на некоторое время. Суд считает, что это обращение носило столь серьезный и жестокий характер, что его можно квалифицировать только как пытку”⁵⁵.

2.3.3 Телесное наказание

Как было отмечено ранее, Комитет по правам человека считает, что “на телесные наказания, включая чрезмерную порку, назначаемую в качестве наказания за преступление или в качестве воспитательной или дисциплинарной меры”, распространяется запрещение, предусмотренное статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵⁶. Эта позиция была подтверждена в деле *Осборна*, где автор был приговорен к 15 годам лишения свободы и 10 ударам розгами за незаконное владение огнестрельным оружием, разбойное нападение при отягчающих обстоятельствах

⁵² *Eur. Court HR, Case of Tomasi v. France, judgment of 27 August 1992, Series A, No. 241-A, p. 40, para. 108.*

⁵³ *Ibid.*, p. 42, para. 115.

⁵⁴ *Eur. Court HR, Case of Aksoy v. Turkey, judgment of 18 December 1996, Reports 1996-VI, p. 2278, para. 61.*

⁵⁵ *Ibid.*, p. 2279, para. 64.

⁵⁶ См. Замечание общего порядка № 20, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 190, пункт 5.

и умышленное ранение. Было вынесено решение, что в данном случае “независимо от характера подлежащего наказанию преступления, каким бы жестоким оно ни было, Комитет твердо убежден в том, что телесные наказания представляют собой **жестокый, бесчеловечный и унижающий достоинство вид обращения и наказания**”, противоречащий статье 7 Пакта, нарушенной в данном случае⁵⁷. Комитет проинформировал правительство, что оно “обязано воздерживаться от приведения в исполнение приговора, предусматривающего порку г-на Осборна”, и, кроме того, должно “не допускать аналогичных нарушений в будущем посредством отмены законодательных положений, разрешающих телесные наказания”⁵⁸.

В отношении Намибии Комитет против пыток рекомендовал “безотлагательно отменить такую меру, как телесное наказание”, поскольку она все еще предусматривается намибийским законодательством⁵⁹. Комитет также выразил обеспокоенность в связи с ситуацией в Саудовской Аравии, поскольку “приговор и осуществление телесных наказаний, включая, в частности, порку и ампутацию конечностей, судебными и административными властями ... не соответствует” Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания⁶⁰.

В случае когда суд по делам несовершеннолетних острова Мэн предписал в качестве наказания, которое потом было исполнено, три удара розгами, Европейский суд по правам человека пришел к заключению, что это не является ни “пыткой”, ни “бесчеловечным обращением”, однако представляет собой “**унижающее достоинство обращение**” с точки зрения статьи 3 Европейской конвенции о правах человека⁶¹. Суд детально изучил вопрос, в каком случае это наказание может рассматриваться как “унижающее достоинство”, и пришел к выводу, что “нанесенное оскорбление или унижение должно достичь особого уровня и так или иначе отличаться от обычного фактора унижения”, присутствующего, как правило, в наказании, применяемом в судебном порядке; оценка носит “условный” характер и зависит “от всех обстоятельств дела и, в особенности, от характера и контекста самого наказания, а также способа и метода его исполнения”⁶².

⁵⁷ Сообщение № 759/1997, *Дж. Осборн против Ямайки* (соображения приняты 15 марта 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/55/40* (том II), стр. 180, пункт 9.1 (курсив наш).

⁵⁸ Там же, пункт 11.

⁵⁹ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/52/44*, стр. 35, пункт 250.

⁶⁰ См. UN doc. CAT/C/XXVIII/CONCL.6 *Conclusions and Recommendations: Saudia Arabia, adopted on 15 May 2002*, para. 4(b).

⁶¹ *Eur. Court HR, Tyrer case, judgment of 25 April 1978, Series A, No. 26*, p. 14, para. 29 and p. 17, para. 35 (курсив наш).

⁶² *Ibid.*, p. 15, para. 30.

Определение характера телесного наказания, данное Судом, было изложено следующим образом:

“Сам характер телесного наказания, применяемого в судебном порядке, предполагает, что один человек совершает акт физического насилия над другим человеком. Более того, это институционализированное насилие, то есть в данном случае разрешенное законом насилие, применяемое согласно решению судебных властей государства и осуществляемое полицейскими органами государства... Таким образом, хотя заявитель не испытывал жестокого или продолжительного физического воздействия, наказание, которому его подвергли и во время которого с ним обращались как с лицом, находящимся в распоряжении властей, является посягательством на права, которые призвана защитить статья 3, а именно права на уважение человеческого достоинства и на физическую неприкосновенность. Также нельзя исключать, что наказание может иметь неблагоприятный психологический эффект”⁶³.

По мнению Суда, институционализированный характер насилия “еще более усугублялся официальностью всей обстановки осуществления наказания, а также тем фактом, что осуществлявшие наказание лица были абсолютно не знакомы с нарушителем”. Рассмотрев обстоятельства “в целом”, Суд постановил, что “факты унижения достиг уровня, присущего понятию ‘унижающее достоинство обращение’”⁶⁴.

2.3.4 Медицинские или научные опыты

В соответствии со вторым предложением статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, “ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам”. При неполучении такого согласия проводимый опыт считается формой “пытки” или “жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения”. В Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека отметил, что “особую защиту в связи с проведением таких опытов следует обеспечить для лиц, не способных давать предусмотренное законом согласие, в частности лиц, которые подвергаются какой-либо форме содержания под стражей или лишения свободы. Эти лица не должны являться объектом медицинских или научных опытов, которые могут причинить вред их здоровью”⁶⁵. Это, безусловно, особенно касается лиц, содержащихся в психиатрических больницах.

По данному вопросу принцип 22 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме идет еще дальше, предусматривая, что “ни одно задержанное или находящееся в заключении лицо не должно *даже с его согласия* подвергаться каким-либо медицинским или научным опытам, могущим повредить его здоровью” (курсив наш).

⁶³ Ibid., p. 16, para. 33.

⁶⁴ Ibid., pp. 16-17, paras. 33 and 35.

⁶⁵ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 190, пункт 7.

Может быть справедливо задан вопрос о том, должны ли столь уязвимые лица *вообще* подвергаться каким-либо медицинским или научным *опытам*, учитывая, что нередко трудно предсказать возможные негативные последствия подобного опыта.

2.4 Пытки и сотрудники правоохранительных органов, работники здравоохранения и прокуроры

Из вышесказанного следует, что правовая обязанность каждого лица, имеющего отношение к аресту, допросу или задержанию и содержанию в тюрьме подозреваемого или осужденного, – обращаться с лицом, с которым он/она имеет дело, с уважением человеческого достоинства и воздерживаться от применения пытки или плохого обращения. В отношении лиц, осуществляющих *полномочия по охране порядка, такие как арест или задержание*, это также оговорено в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 года, в статье 5 которого говорится, что:

“Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания”.

Что касается *медицинских работников*, принцип 2 Принципов медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, гласит, что:

“Работники здравоохранения, в особенности врачи, совершают грубое нарушение медицинской этики, а также преступление, в соответствии с действующими международными документами, если они занимаются активно или пассивно действиями, которые представляют собой участие или соучастие в пытках или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, или подстрекательство к их совершению, или попытки совершить их”.

Напротив, лица, принадлежащие к данным профессиональным группам, обязаны охранять физическое и психическое здоровье задержанных и заключенных, а также обеспечивать лечение заболеваний “такого же

качества и уровня, какое обеспечивается лицам, не являющимся заключенными или задержанными” (принцип 1).

Как указал Комитет по правам человека, важно, чтобы государства – участники Пакта распространяли среди широких слоев населения соответствующую информацию о запрещении пыток, и, как далее подчеркнул Комитет, “сотрудники правоохранительных органов, медицинский персонал, сотрудники полиции и любые другие лица, имеющие отношение к содержанию под стражей любого лица, подвергнутого аресту, задержанию или лишению свободы в какой бы то ни было форме, или к обращению с ним, **должны пройти соответствующий инструктаж и получить надлежащую подготовку**”⁶⁶.

Как уже отмечалось выше и пояснялось в главах 4 и 7, признание вины не может быть получено противозаконными методами, такими как применение пыток или других видов жестокого обращения или нарушение прав человека. В принципе 16 Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, говорится, что **прокуроры** “отказываются от использования таких улик против любого лица, кроме тех, кто применял такие методы, или, соответственно, информируют суд и принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы лица, ответственные за применение таких методов, привлекались к суду” (аналогичное правило приведено также в статье 15 Конвенции против пыток).

*Согласно международному праву правовой обязанностью государств является принятие эффективных законодательных, административных, судебных и других мер с целью **предотвращения** пыток и других форм плохого обращения.*

*Другая правовая обязанность государств – **безотлагательное и эффективное расследование** заявленных случаев пыток и других форм плохого обращения, а также обеспечение **эффективных средств правовой защиты** для предполагаемых жертв такого обращения.*

*Виновные в применении пыток или других форм плохого обращения не могут быть **освобождены от ответственности**, поскольку это **противоречит** правовой обязанности государств **предотвращать, расследовать и устранять** нарушения прав человека.*

*Каждый человек имеет право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; это право должно быть гарантировано **всегда** и не может ущемляться даже в случае чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни страны.*

⁶⁶ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 191, пункт 10 (курсив наш).

В целом можно сказать, что **пытка** – это особо тяжкая форма плохого обращения, направленная на то, чтобы либо получить от человека признания или сведения, либо наказать или запугать его или ее. Она совершается государственным должностным лицом либо по подстрекательству или с ведома или молчаливого согласия такого должностного лица или иного лица, выступающего в официальном качестве.

Сексуальное надругательство в виде **изнасилования**, совершенное государственным должностным лицом, считается одной из форм пыток.

Право на защиту от плохого обращения включает запрещение телесных наказаний и, как минимум, медицинских и научных опытов, на которые не было дано добровольное согласие.

При обращении со всеми лицами, лишенными свободы, должно также уважаться достоинство человеческой личности.

Сотрудникам правоохранительных органов и медицинским работникам строго запрещено когда бы то ни было прибегать к пыткам и другим видам плохого обращения. Признания, полученные под давлением такого обращения, не должны приниматься во внимание прокурорами и судьями.

Для содействия гарантированному полному осуществлению права на защиту от пыток и других форм плохого обращения судьи, прокуроры и адвокаты должны иметь возможность эффективно и независимо осуществлять свою деятельность.

3. Законодательные требования к местам содержания под стражей и регистрации задержанных и заключенных

3.1 Официальное признание всех мест содержания под стражей

В целях обеспечения личной безопасности лиц, лишенных свободы, они должны содержаться только в официально признанных местах содержания под стражей. Обязательство государств выполнять данную правовую обязанность признано как международными контрольными органами, так и в различных правовых документах. Например, в Замечании общего порядка № 20 по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах Комитет по правам человека заявил, что:

“Для обеспечения эффективной защиты содержащихся под стражей лиц необходимо принимать меры к тому, чтобы они содержались в местах, официально признанных в качестве мест содержания под стражей, а их фамилии и места содержания под стражей, равно как и фамилии лиц, ответственных за их содержание под стражей, указывались в реестре, доступном для заинтересованных лиц, в том числе для родственников и друзей”⁶⁷.

В статье 10 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений и принципе 6 Принципов эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней содержатся аналогичные требования в отношении размещения задержанных лиц в официально признанных местах содержания под стражей. В пункте 1 d) принципа 12 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, говорится, что “точные данные в отношении места содержания” надлежащим образом заносятся в протокол.

На региональном уровне статья XI Межамериканская конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений предусматривает, в частности, что “любое лицо, лишенное свободы, содержится в официально признанных местах содержания под стражей..”. Межамериканскому суду по правам человека неоднократно приходилось рассматривать дела, связанные со случаями исчезновения людей, которые стали возможными из-за того, что соответствующее государство-ответчик не обеспечивало выполнение основных гарантий от произвольного задержания, включая обязанность размещения лиц, лишенных свободы, только в официально признанных местах содержания

⁶⁷ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 191, пункт 11.

под стражей. Как подчеркнул Межамериканский суд по правам человека, “насильственное исчезновение людей представляет собой множественное и продолжительное нарушение целого ряда прав согласно [Межамериканской] Конвенции [о правах человека], которые государства-участники обязаны соблюдать и гарантировать”, как, например, права согласно статьям 7, 5 и 4 в сочетании с пунктом 1 статьи 1⁶⁸.

Европейский суд по правам человека подчеркнул, что “*отрицаемое содержание под стражей* какого-либо лица абсолютно несовместимо” с содержащимися в статье 5 Европейской конвенции о правах человека гарантиями от произвольного задержания и “является одним из наиболее серьезных нарушений статьи 5”, принимая во внимание обязанность властей отчитываться за граждан, находящихся под их ответственностью, “статья 5 требует от них принятия эффективных мер для предотвращения риска исчезновения, а также проведения безотлагательного и эффективного расследования небесспорных жалоб на то, что человека после заключения под стражу более не видели”⁶⁹.

3.2 Регистрация задержанных и заключенных

В дополнение к требованию содержания лиц, лишенных свободы, в официально признанных местах содержания под стражей Комитет по правам человека вынес решение о необходимости принятия мер к тому, чтобы “их фамилии и места содержания под стражей, равно как и фамилии лиц, ответственных за их содержание под стражей, указывались в реестре, доступном для заинтересованных лиц, в том числе для родственников и друзей”⁷⁰.

Эта обязанность также сформулирована в пункте 1 правила 7 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, согласно которому:

“1) Во всех местах заключения следует иметь реестр в виде переплетенного журнала с пронумерованными страницами, куда должны заноситься в отношении каждого заключенного следующие данные:

- a) сведения, касающиеся его личности;
- b) причины его заключения и власти, принявшие решение о заключении;
- c) день и час его прибытия и выхода из данного места заключения”.

⁶⁸ См., например, *I-A Court HR, Velásquez Rodríguez case, judgment of July 29, 1998, Series C, No. 4*, p. 147, para. 155 and pp. 162-163, para. 194.

⁶⁹ *Eur. Court HR, Case of Çakici v. Turkey, judgment of 8 July 1999, Reports 1999-IV*, p. 615, para. 104 (курсив наш).

⁷⁰ Замечание общего порядка № 20, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 191, пункт 11.

Согласно пункту 1 принципа 12 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, “надлежащим образом заносятся в протокол:

- a) причины ареста;
- b) время ареста этого лица и время, когда такое лицо было препровождено в место содержания, а также время первого появления перед судебным или иным органом;
- c) фамилии соответствующих должностных лиц правоохранительных органов;
- d) точные данные в отношении места содержания”.

Кроме того, в соответствии с пунктом 2 принципа 12 Свода принципов “такие протоколы представляются задержанному или его адвокату, если таковой имеется, в предписанной законом форме”.

Статья 10 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений идет еще дальше в этом отношении, предусматривая в отношении лиц, лишенных свободы, что:

“2. Точная информация о задержании таких лиц и месте или местах содержания их под стражей, включая места перевода, незамедлительно предоставляется членам их семей, их адвокату или любому другому лицу, имеющему законный интерес к данной информации, если лица, находящиеся в задержании, не высказывают иного.

3. В каждом месте содержания под стражей имеется регулярно обновляемый официальный список всех лиц, лишенных свободы. Кроме того, каждое государство принимает меры по составлению аналогичных централизованных списков. Информация, содержащаяся в этих списках, предоставляется лицам, упомянутым в предыдущем пункте, любому судебному или другому компетентному и независимому национальному органу, а также любому другому компетентному органу, имеющему на то право по закону этого государства или на основании какого-либо международно-правового документа, участником которого является соответствующее государство, которые стремятся установить место нахождения задержанного лица”.

Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц была разработана после исчезновения десятков тысяч человек в Северной и Южной Америке в 1970-х и 1990-х годах. Статья XI этого документа гласит:

“Государства-участники создают и ведут регулярно обновляемые официальные реестры лиц, содержащихся под стражей, а также в соответствии со своим внутренним законодательством обеспечивают

их доступность для родственников, судей, адвокатов, любых других лиц, имеющих законный интерес, и представителей других органов власти”.

В отношении Европейской конвенции о правах человека Европейский суд отметил, что:

“Запись точных данных о дате, времени и месте пребывания задержанных, а также оснований для задержания и фамилий лиц, производивших задержание, необходима для того, чтобы задержание какого-либо лица соответствовало требованиям законности согласно § 1 статьи 5”⁷¹.

В деле *Чакичи* отсутствие документов в отношении заявителя, содержание которого под стражей не признавалось, свидетельствовало о “серьезном упущении”, которое усугублялось “выводами об общей ненадежности и неточности” документов о данном случае содержания под стражей. Суд признал “неприемлемым отсутствие документов, позволяющих определить место нахождения задержанного в то или иное время”⁷². Следовательно, в данном случае имело место особо серьезное нарушение статьи 5 Европейской конвенции.

Все лица, лишенные свободы, должны содержаться только в официально признанных местах содержания под стражей. Кроме того, в каждом месте заключения должны вестись реестры, содержащие подробную и надежную информацию, в частности фамилию задержанного, причину его задержания, время его поступления, убытия и перевода, а также фамилии лиц, ответственных за задержание и тюремное заключение. Такие реестры должны быть всегда легко доступны для всех заинтересованных лиц, таких как юрисконсульт и члены семьи задержанных, которым данная информация должна сообщаться по долгу службы.

⁷¹ Eur. Court HR, *Case of Çakici v. Turkey*, judgment of 8 July 1999, Reports 1999-IV, para. 105 at p. 616.

⁷² Ibid., loc. cit.

4. Условия содержания задержанных и заключенных

4.1 Основные принципы содержания задержанных и заключенных

Ниже приводятся основные принципы обращения с лицами, лишенными свободы, обуславливающие наряду с прочим все вопросы, затронутые в настоящем разделе.

Во-первых, как уже говорилось ранее, все лица, лишенные свободы, **“имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности”** (пункт 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также см. пункт 2 статьи 5 Американской конвенции, в которой, однако, ничего не говорится о “гуманности”; см., кроме того, принцип 1 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, и принцип 1 Основных принципов обращения с заключенными; курсив наш).

В отношении пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах Комитет по правам человека заявил, что в дополнение к запрету на жестокое обращение и проведение опытов, содержащемуся в статье 7, лица, лишенные свободы, не должны “испытывать иных лишений или тягот помимо тех, которые являются результатом лишения свободы”, и что “достоинство этих лиц должно уважаться в той же степени, что и достоинство лиц, находящихся на свободе”. Это означает, что “лица, лишенные свободы, пользуются всеми правами, провозглашенными в Пакте, с учетом ограничений, неизбежных для жизни в неволе”⁷³.

Кроме того, Комитет по правам человека подчеркнул, что “гуманное обращение со всеми лицами, лишенными свободы, при уважении их достоинства, является основополагающим правилом универсального применения”, поэтому **“его применение, как минимум, не должно находиться в зависимости от материальных ресурсов, которыми располагает государство-участник”**, и что этому правилу необходимо следовать, не допуская какой бы то ни было дискриминации⁷⁴. Для оценки выполнения государствами-участниками договорных обязательств в этой области Комитет по правам человека опирается на соответствующие стандарты Организации Объединенных Наций, применимые в отношении обращения с заключенными, на которые делаются ссылки в этой главе.

Во-вторых, положение о **запрещении дискриминация** в том виде, как оно сформулировано в пункте 1 статьи 2 и в статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 2 Африканской хартии прав человека и народов, в пункте 1 статьи 1 и статье 24 Американской

⁷³ См. Замечание общего порядка № 21, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, пункт 3, стр. 193.

⁷⁴ Там же, пункт 4 (курсив наш).

конвенции о правах человека и статье 14 Европейской конвенции о правах человека, применяется в отношении *всех* заключенных и задержанных. Принцип недискриминации также закреплен в пункте 1 статьи 6 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принципе 2 Основных принципов обращения с заключенными и в пункте 1 статьи 5 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. ***Запрещение дискриминации, тем не менее, не исключает проведения разумных различий между задержанными и/или заключенными, обоснованных с точки зрения статуса этих лиц и с учетом их конкретных нужд.***

В-третьих, обвиняемые “в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осужденных и им предоставляется отдельный режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц” (см., например, пункт 2 *a*) статьи 10 Международного пакта и пункт 4 статьи 5 Американской конвенции). Как отметил Комитет по правам человека, “такое отделение требуется для того, чтобы подчеркнуть их статус неосужденных лиц, которые в то же время ***имеют право считаться невиновными***”⁷⁵. Следовательно, они также имеют право на более благосклонное обращение, чем осужденные, при этом подобное разделение не является формой дискриминации, а лишь проведением обоснованного различия между двумя группами людей. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже, в подразделе 4.2.1.

В-четвертых, что касается осужденных, то в рамках пенитенциарной системы для них предусматривается режим, основной целью которого является их ***исправление и социальное перевоспитание/ повторная адаптация приговоренного к заключению*** (пункт 3 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 6 статьи 5 Американской конвенции). Согласно решению Комитета по правам человека “пенитенциарная система не должна носить лишь карательный характер”, но “в значительной степени она должна стремиться к исправлению и социальной реабилитации заключенного”⁷⁶. При предоставлении периодических докладов государствам-участникам предлагается представлять “конкретную информацию о мерах, принимаемых в целях обеспечения обучения, образования, перевоспитания, профессиональной ориентации и подготовки, а также программах трудового воспитания, предназначенных для лиц, содержащихся как в пенитенциарном учреждении, так и вне его”⁷⁷.

Для того чтобы по отбытии срока заключенный оказывался “способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование”, правило 59 в совокупности с правилом 58 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными предусматривают, что

“заведение должно использовать все исправительные, воспитательные, моральные и духовные силы и виды помощи, которыми оно располагает и которые оно считает подходящими, применяя их с учетом потребностей перевоспитания каждого заключенного”.

⁷⁵ Там же, стр. 195, пункт 9 (курсив наш).

⁷⁶ Там же, стр. 195, пункт 10.

⁷⁷ Там же, стр. 195, пункт 11.

Принцип 8 Основных принципов обращения с заключенными также подчеркивает необходимость обеспечить возможность заключенным “заниматься полезным вознаграждаемым трудом, что облегчит их реинтеграцию на рынке рабочей силы их стран и обяжет их оказывать финансовую помощь своим семьям и родственникам”.

Правило 89 Минимальных стандартных правил гласит, что “подследственным заключенным всегда следует предоставлять возможность трудиться. Однако труд им в обязанность не вменяется. Если такой заключенный решает работать, его труд должен оплачиваться”. Более подробно вопросы, связанные с трудом осужденных, освещаются в правилах 71–76 Минимальных стандартных правил.

Все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение своего человеческого достоинства. Этот принцип носит фундаментальный и универсальный характер и должен быть гарантирован всегда, независимо от материальных средств, имеющихся в распоряжении государства.

Любой заключенный или задержанный имеет право на защиту от дискриминации.

За исключением чрезвычайных обстоятельств, подозреваемые должны помещаться отдельно от осужденных; неосужденные задержанные имеют право считаться невиновными, пока не доказана их виновность, поэтому они также имеют право на более благосклонное обращение по сравнению с осужденными заключенными.

Государства обязаны предоставить осужденным заключенным возможности для обучения и получения профессиональной подготовки с целью их исправления и социальной реабилитации.

4.2 Помещения

Хотя конвенции по правам человека общего характера не содержат подробно изложенных требований в отношении условий размещения задержанных и заключенных, некоторые вопросы, связанные, в частности, с регламентацией сна, работы и условий санитарии, освещаются в правилах 9–14 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

Пункт 1 правила 9, таким образом, гласит, что “там, где заключенные **ночуют** в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать **отдельной** камерой или комнатой. Если по особым причинам, таким как временная перегрузка тюрьмы, центральному тюремному управлению приходится отказаться от применения этого правила, помещать двух заключенных в одну и ту же камеру или комнату представляется

нежелательным” (курсив наш). Там, где имеются общие камеры, согласно пункту 2 правила 9 предусматривается, что в них могут размещаться только те заключенные, которые “способны жить вместе в таких условиях”. **Все** помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, “должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию” (правило 10).

Во **всех помещениях, где живут и работают заключенные** в местах содержания под стражей, “окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и должны ... обеспечить доступ свежего воздуха, независимо от того, существует ли или нет искусственная система вентиляции” (правило 11 *a*)).

“Искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без опасности для зрения” (правило 11 *b*)).

И наконец, “**санитарные установки** должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности” (правило 12; курсив наш).

Африканская комиссия по правам человека и народов постановила, что в деле *Оуко* имело место нарушение статьи 5 Африканской хартии прав человека и народов. По словам заявителя, в следственном изоляторе были установлены электрические лампы мощностью 250 Вт, которые не выключались на протяжении десяти месяцев его содержания под стражей; все это время ему также не позволяли пользоваться ванной и, кроме того, подвергали физическим и моральным пыткам. По мнению Комиссии, подобные условия содержания нарушали право заявителя на уважение его достоинства и защиту от бесчеловечного и унижительного обращения, гарантированные статьей 5 Хартии⁷⁸. В дополнение к конкретным условиям содержания Веры и Ортона Чирвы, рассмотренным выше, в пункте 2.3.2, Африканская комиссия по правам человека и народов изучила общие условия в тюрьмах Малави. По заключению Комиссии, следующие условия содержания заключенных “оскорбляют достоинство, присущее человеческой личности, и нарушают” статью 5 Африканской хартии: сковывание рук “находящимся в камере заключенным, так что они не могут пошевелиться (иногда на протяжении всей ночи и дня), приготовление пищи из протухших продуктов, содержание в одиночной либо переполненной камере, где в помещении, рассчитанном на 70 человек, находится до 200 заключенных”⁷⁹.

⁷⁸ ACHPR, *John D. Ouko v. Kenya*, Communication No. 232/99, decision adopted during the 28th Ordinary session, 23 October – 6 November 2000, пункты 22-33 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/232-99.html>.

⁷⁹ ACHPR, *Krishna Achuthan and Amnesty International (on behalf of Aleke Banda and Orton and Vera Chirwa) v. Malawi*, Communications Nos. 64/92, 68/92 and 78/92, decision adopted during the 16th session, October-November 1994, пункт 34 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www.up.ac.za/chr/>.

В деле *Греции* Европейская комиссия по правам человека пришла к заключению, что условия размещения в лагере Лакки являются нарушением статьи 3 Европейской конвенции о правах человека, ввиду “сильной переполненности и вызванных этим последствий”; в общих камерах иногда содержалось от 100 до 150 человек⁸⁰.

4.2.1 *Разделение на категории*

Как отмечалось выше, следуя нормам международного права в области прав человека, по существу необходимо обеспечить, чтобы обвиняемые помещались отдельно от осужденных и им предоставлялся отдельный режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц (см., например, пункт 2 а) статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 4 статьи 5 Американской конвенции; а также пункт *b*) статьи 8 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными).

Что касается *обвиняемых малолетних/несовершеннолетних*, то в пункте 2 *b*) статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункте 5 статьи 5 Американской конвенции о правах человека конкретно предусматривается, что они должны содержаться отдельно от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляться в суд для вынесения решения. Между тем пункт *c*) статьи 37 Конвенции о правах ребенка, которая должна рассматриваться как *lex specialis* по отношению к общим договорам о правах человека, предусматривает, что “лишенный свободы, любой ребенок должен быть отделен от взрослых, если только не считается, что ***в наилучших интересах ребенка этого делать не следует***” (курсив наш). Интересы конкретного ребенка могут, таким образом, служить оправданием для отклонения от основного правила, согласно которому этот ребенок должен содержаться отдельно от совершеннолетних⁸¹.

Правило 8 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными носит более общий характер и гласит, что “различные категории заключенных содержатся в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними”. Это, в частности, означает, что “мужчин и женщин следует по возможности содержать в отдельных заведениях; если же мужчины и женщины содержатся в одном и том же заведении, то женщин следует размещать в совершенно отдельных помещениях” (пункт *a*) правила 8 Минимальных стандартных правил, курсив наш).

Раздельное содержание мужчин и женщин, а также детей от взрослых является необходимой, хотя и недостаточной мерой для того, чтобы обеспечить право на безопасность для этих особо уязвимых лиц. Кроме того, чрезвычайно

⁸⁰ *Eur. Comm. HR, Applications Nos. 3321-3323/67 and 3344/67, Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece, Report of the Commission adopted on 5 November 1969, 12 Yearbook 1969, p. 497, para. 21 and p. 494, para. 14.*

⁸¹ По вопросу отделения задержанных детей от задержанных взрослых см. публикацию *Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child* (New York, UNICEF, 1998), pp. 501-502 (далее именуемую *UNICEF Implementation Handbook*).

важно проследить за тем, чтобы места содержания под стражей детей имели соответствующую инфраструктуру и специально обученный персонал, который смог бы удовлетворить специфические потребности и интересы несовершеннолетних⁸². Более подробная информация, касающаяся вопросов содержания под стражей детей и женщин, будет приведена в главах 10 и 11.

В целом, в местах содержания задержанных и заключенных должны быть созданы условия, при которых обеспечиваются уважение достоинства, безопасность и здоровье людей, адекватные условия для их сна, существования, работы, а также надлежащие условия санитарии.

Дети/несовершеннолетние, лишенные свободы, должны быть отделены от взрослых, за исключением случаев, когда подобное отделение входит в противоречие с интересами детей; дети должны представлять перед судом незамедлительно.

По возможности мужчин и женщин следует содержать в различных заведениях.

4.3 Личная гигиена, питание и услуги здравоохранения

Не вдаваясь в подробности установленных правил и прецедентного права, регламентирующих вопросы личной гигиены, питания и услуг здравоохранения для лиц, лишенных свободы, можно выделить следующие основные принципы, содержащиеся в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными:

- ❖ **В отношении личной гигиены:** “От заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья” (правило 15).
- ❖ **В отношении одежды:** “Заключенным, не имеющим право носить гражданскую одежду, следует выдавать комплект обмундирования, соответствующего данному климату и позволяющего поддерживать их здоровье в удовлетворительном состоянии. Эта одежда не должна иметь ни оскорбительного, ни унижающего характера” (пункт 1 правила 17). “Одежда должна содержаться в чистоте и исправности. Стирку и выдачу свежего белья следует обеспечивать в соответствии с требованиями гигиены” (пункт 2 правила 17); “когда заключенный покидает заведение с разрешения властей, ему следует разрешить переодеться в собственное платье или надевать другую, не бросающуюся в глаза одежду” (пункт 3 правила 17).

⁸² По вопросам содержания под стражей детей см., например, Eric Sottas and Esther Bron, *Exactions et Enfants*, Geneva, OMCT/SOS Torture, 1993, pp. 26-27.

- ❖ **В отношении спального места:** “Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабженную отдельными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту” (правило 19).
- ❖ **В отношении питания:** “Тюремное управление должно в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную”; “каждый заключенный должен располагать питьевой водой, когда он испытывает в ней потребность” (пункты 1 и 2 правила 20).
- ❖ **В отношении услуг здравоохранения:** в каждом месте содержания под стражей необходимо наличие “по крайней мере одного квалифицированного медицинского работника, имеющего познания в области психиатрии”, а медицинское обслуживание “следует организовывать в тесной связи с местными или государственными органами здравоохранения” (пункт 1 правила 22). “Больных заключенных, нуждающихся в услугах специалиста, следует переводить в особые заведения или же в гражданские больницы”, а если больничные службы имеются на территории заведения, о котором идет речь, они должны располагать оборудованием и припасами, “необходимыми для должного медицинского ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом” (пункт 2 правила 22); каждый заключенный должен иметь возможность прибегать к “услугам квалифицированного зубного врача” (пункт 3 правила 22).

Женские заведения среди прочего должны располагать “особыми помещениями для ухода за беременными женщинами и роженицами” (пункт 1 правила 23).

Кроме того, “каждого заключенного следует подвергать медицинскому осмотру при его принятии и затем по мере надобности, с тем чтобы устанавливать, не болен ли он физически или умственно, и принимать необходимые меры” (правило 24); “о физическом и психическом здоровье заключенных обязан заботиться врач, который должен ежедневно принимать или посещать всех больных, всех тех, кто жалуется на болезнь, а также всех тех, на кого было обращено его особое внимание” (пункт 1 правила 25); врач должен, кроме того, “регулярно осуществлять инспекцию и докладывать директору” по таким вопросам, как качество пищи, гигиена и чистота заведения и заключенных, санитария, одежда и спальные места и т. п. (правило 26). Кроме того, принцип 24 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, гласит, что “задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляется медицинское обслуживание и лечение

всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Обслуживание и лечение предоставляются бесплатно”.

Международные контрольные органы неоднократно рассматривали дела, в которых затрагивалась проблема условий содержания под стражей. Некоторые из них приводятся ниже, с тем чтобы проиллюстрировать мнение этих органов по вопросам нехватки пищи, недостаточной гигиены и заявлений об отсутствии медицинского обслуживания.

В деле *Фримэнтла* заявитель содержался под стражей в условиях, которые являлись нарушением пункта 1 статьи 10 Международного пакта, а именно автор находился в камере размером 2 квадратных метра в течение 22 часов в сутки и был изолирован от остальных людей большую часть дня; основное время бодрствования он проводил в искусственно созданной темноте, практически не имея возможности занять себя чем-либо, при этом ему не разрешалось работать или пройти курс обучения⁸³.

В деле *Робинсона* Комитет постановил, что следующие условия содержания заявителя в заключении являются нарушением пункта 1 статьи 10 Международного пакта: полное отсутствие в камере матрасов, прочих постельных принадлежностей и мебели, острый дефицит мыла, зубной пасты и туалетной бумаги, чрезвычайно низкое качество пищи и питья, отсутствие в камерах санузлов, наличие открытых отхожих мест и куча отходов, а также отсутствие врачей и тот факт, что автор сообщения проводил в “камере 22 часа в сутки, находясь в искусственной темноте, в изоляции от других людей не имея ничего, чем можно было бы себя занять”⁸⁴.

Среди прочих дел нарушение пункта 1 статьи 10 Международного пакта было зафиксировано в деле *Элахи*, в рамках которого автор жаловался на то, что у него не было ничего кроме “куска поролона и старых газет” для сна, что ему давали “пищу, непригодную к употреблению”, а также на то, что охранники “самым жестоким образом реагировали на любые жалобы”⁸⁵.

Нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта также имело место в деле *Майкла и Брайена Хиллов*, которым вообще не давали еды в течение первых пяти дней содержания под стражей в полицейском участке в Испании⁸⁶, а нарушение статьи 7 было зафиксировано в деле *Тиисекеди ва Мулумба*, который подвергался “бесчеловечному обращению” “в виде лишения пищи и воды в течение четырех дней после его ареста” и “затем был интернирован и

⁸³ Сообщение № 625/1995, *М. Фримэнтл против Ямайки* (соображения приняты 24 марта 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/55/40 (том II), стр. 18, пункт 7.3.

⁸⁴ Сообщение № 731/1996, *М. Робинсон против Ямайки* (соображения приняты 29 марта 2000 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/55/40 (том II), стр. 168, пункты 10.1–10.2.

⁸⁵ Сообщение № 533/1993, *Х. Элахи против Тринидада и Тобаго* (соображения приняты 28 июля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 36, пункт 8.3.

⁸⁶ Сообщение № 526/1993, *М. и Б. Хилл против Испании* (соображения приняты 2 апреля 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/40 (том II), стр. 16, пункт 13.

содержался в неприемлемых санитарных условиях”⁸⁷. Положение пункта 1 статьи 10 было нарушено в деле *Каленги*, по обстоятельствам которого автор, в частности, жаловался на то, что его лишали возможности для отдыха, а время от времени оставляли без пищи и отказывали в медицинской помощи, когда она требовалась⁸⁸.

По мнению Комитета, положения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта были нарушены в деле *Линтона*, после того как “охранники инсценировали приготовление к смертной казни (автора сообщения), а также лишили его надлежащего медицинского обслуживания” после ранений, полученных при неудачной попытке побега; такое обращение было сочтено “жестоким и бесчеловечным”⁸⁹.

В деле против Малави, упомянутом ранее в подразделах 2.3.2 и 4.2, Африканская комиссия по правам человека и народов постановила, в частности, что “лишение заключенных возможности в течение 14 часов покинуть свои камеры, отсутствие организованных занятий спортом, недостаточная медицинская помощь, плохие санитарные условия и отсутствие доступа к посетителям, почте и материалам для чтения” являются нарушением статьи 5 Африканской хартии прав человека и народов⁹⁰. Комиссия также пришла к выводу, что отказ заключенным в доступе к врачебной помощи в случае ухудшения их здоровья является нарушением статьи 16 Африканской хартии прав человека и народов, которая гарантирует каждому человеку “право на максимально возможный уровень физического и психического здоровья” (пункт 1 статьи 16)⁹¹. Нарушение статьи 16 было, кроме того, отмечено в отношении Кена Саро-Вивы, состояние здоровья которого во время нахождения под стражей ухудшилось настолько, что его жизнь оказалась под угрозой; несмотря на требования квалифицированного тюремного врача поместить больного в стационар, в таком лечении ему было отказано⁹².

Нарушения права пострадавшего на уважение его человеческого достоинства и права на защиту от бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения, гарантированных статьей 5, были установлены в деле, по обстоятельствам которого задержанного в течение 147 дней

⁸⁷ Сообщения №№ 241 и 242/1987, *Ф. Бириндва си Бирхашивирва и Э. Тишсекеди ва Мулумба против Заира* (соображения приняты 2 ноября 1989 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/45/40 (том II), стр. 92, пункт 13 b).

⁸⁸ Сообщение № 326/1988, *Х. Каленга против Замбии* (соображения приняты 27 июля 1993 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/48/40 (том II), стр. 67, пункт 6.5.

⁸⁹ Сообщение № 255/1987, *К. Линтон против Ямайки* (соображения приняты 22 октября 1992 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/48/40 (том II), стр. 14, пункт 8.5.

⁹⁰ *ACHPR, Krishna Achuthan and Amnesty International (on behalf of Aleke Banda and Orton and Vera Chirwa) v. Malawi, Communications Nos. 64/92, 68/92 and 78/92, decision adopted during the 16th session, October-November 1994*, пункт 34 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www.up.ac.za/chr/>.

⁹¹ *ACHPR, Media Rights Agenda and Others v. Nigeria, Communications Nos. 105/93, 128/94, 130/94 and 152/96, decision adopted on 31 October 1998*, пункт 91 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/105-93_128-94_130-94_152-96.html.

⁹² *ACHPR, International Pen and Others (on behalf of Ken Saro-Wiwa Jr. and Civil Liberties Organisation) v. Nigeria, Communications Nos. 137/94, 139/94, 154/96 and 161/97, decision adopted on 31 October 1998*, пункт 112 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/137-94_139-94_154-96_161-97.html.

содержания под стражей не только круглосуточно приковывали за ноги и руки к полу, но также лишали возможности мыться, давали пищу не чаще двух раз в сутки и до проведения судебного разбирательства содержали в одиночном заключении в камере, предназначенной для преступников⁹³.

В деле *de Варги-Хирша* Европейская комиссия по правам человека постановила, что “нельзя исключать возможности того, что содержание под стражей больного человека может вызвать вопросы” в связи с положением статьи 3 Европейской конвенции. В данном случае заявитель, находившийся в течение длительного времени в предварительном заключении, страдал от диабета и сердечно-сосудистых нарушений; “состояние [его] здоровья было плохим на протяжении всего срока содержания под стражей ... и оно ухудшалось”⁹⁴. Комиссия, тем не менее, отметила, что власти “отвечали согласием на все просьбы заявителя о проведении медицинского освидетельствования”, и “в тех случаях, когда заключения врачей не отличались точностью, власти не отказывались пригласить новых специалистов”; в общей сложности было составлено 10 отчетов, и “ни одно из экспертных заключений не указывало однозначно на то, что состояние заявителя было несовместимо с пребыванием под стражей”⁹⁵. Когда специалисты посоветовали перевести заявителя в больницу, эта рекомендация также была выполнена. Кроме того, Комиссия указала на отмеченные правительством факты “отказа заявителя от перевода в тюремную больницу в течение некоторого времени, его нежелания следовать предписанной в связи с диабетом диете и его отказа от лечения инсулином”, что в немалой степени способствовало ухудшению его здоровья⁹⁶. Принимая во внимание “особые обстоятельства дела”, было сочтено, что медицинская помощь была оказана заявителю во время содержания под стражей в достаточных объемах и статья 3 Европейской конвенции о правах человека нарушена не была⁹⁷.

⁹³ ACHPR, *Media Rights Agenda (on behalf of Niran Malaolu) v. Nigeria*, Communication No. 224/98, decision adopted during the 28th session, 23 October – 6 November 2000, пункты 70 и 72 текста решения, опубликованного на веб-сайте по адресу: <http://www1.umn.edu/humanrts/africa/comcases/224-98.html>.

⁹⁴ Eur. Comm. HR, *Application No. 9559/81, P. de Varga-Hirsch v. France*, decision of 9 May 1983 on the admissibility, 33 DR, p. 213, para. 6.

⁹⁵ Ibid., loc. cit.

⁹⁶ Ibid., pp. 213-214, para. 6.

⁹⁷ Ibid., para. 6 at p. 214.

Ответственность государства в отношении заключенных, объявивших голодовку Дело Р., С., А. и Ц. против Португалии

Вопросы ответственности государства за здоровье и благополучие заключенных, объявивших голодовку, рассматривались среди прочего в деле четырех заявителей против Португалии, по обстоятельствам которого заявитель Р. был осмотрен медицинской комиссией только на двадцать шестой день своей голодовки. Европейская комиссия по правам человека, выразив глубокую «обеспокоенность тем фактом, что за столь длительный период времени заявители не были помещены под медицинское наблюдение», решила, тем не менее, сосредоточить внимание на вопросе о «пределах ответственности федеральных властей в этой ситуации»⁹⁸. Комиссия сочла нужным особо подчеркнуть, что с момента объявления голодовки «заявители постоянно отказывались от осмотра тюремным врачом» и, кроме того, двое из заявителей – включая заявителя Р. – отказались от осмотра, который должна была произвести комиссия, состоявшая из трех врачей из больницы Лиссабонского университета, хотя один из этих врачей был указан самими заявителями в списке выбранных ими врачей⁹⁹.

Тупиковая ситуация была разрешена на двадцать шестые сутки голодовки заявителя Р, «когда тюремные власти позволили комиссии в составе врача, назначенного Медицинским советом, тюремного врача и врача, выбранного заявителями, посетить заявителей». Комиссия просила «в срочном порядке госпитализировать» заявителей, что было сделано несколькими днями позже¹⁰⁰. Обоснования решения Комиссии по этому вопросу заслуживают того, чтобы привести их полностью:

“18. Как уже подчеркивала Комиссия, Конвенция требует, чтобы тюремные власти, соблюдая должным образом обычные и разумные требования к тюремному заключению, выполняли свои полномочия по содержанию под стражей так, чтобы обеспечить здоровье и благополучие всех заключенных, включая протестующих, насколько это возможно в данных обстоятельствах. ... ***В серьезных тупиковых ситуациях органы государственной власти не должны проявлять упорство и занимать жесткую позицию, стремясь наказать нарушителей тюремной дисциплины, а не искать пути разрешения проблемы...***

19. В рассматриваемом деле, как это ни прискорбно, заявители не получали надлежащей медицинской помощи в ходе своей длительной голодовки. Однако необходимо признать тот факт, что они в значительной степени сами несут ответственность за это. Уважая право заявителей на отказ от осмотра конкретными врачами, чья компетентность не вызывала вопросов, правительство поступало таким образом, что его действия вряд ли могут вызвать нарекания со стороны заявителей. Комиссия, анализируя конкретные обстоятельства данных дел, не может заключить, что власти Португалии, продемонстрировав непреклонность, допустили ухудшение состояния заявителей настолько, чтобы их можно было считать жертвами бесчеловечного обращения или пыток в нарушение статьи 3 Конвенции”¹⁰¹.

⁹⁸ Eur. Comm. HR, Applications Nos. 9911/82 & 9945/82 (joined), R., S., A. and C. v. Portugal, 36 DR, p. 207, para. 16.

⁹⁹ Ibid., pp. 207-208, para. 16.

¹⁰⁰ Ibid., p. 208, para. 17.

¹⁰¹ Ibid., paras. 18-19 (курсив наш).

Обоснование решения в деле против Португалии базировалось на результатах дела *Макфили*, слушания которого происходили на фоне драматических событий в Северной Ирландии. Заявители по данному делу хотели быть переведены в статус политических заключенных и поэтому среди прочего отказывались носить тюремную одежду и работать во время пребывания в тюрьме. В качестве ответных мер к ним неоднократно применялись наказания, в частности содержание в одиночной камере. В данном конкретном случае Комиссия заявила, что она

“...выражает обеспокоенность в связи с непреклонностью государственных властей, которые в большей степени были озабочены тем, чтобы наказать нарушителей тюремной дисциплины, нежели поиском путей выхода из серьезного тупика. Кроме того, Комиссия полагает, что в силу гуманитарных причин, со стороны властей должны быть предприняты усилия для того, чтобы обеспечить заявителям некоторые необходимые условия, например для систематических занятий физическими упражнениями на открытом воздухе в одежде, отличной от тюремной, и более широкое использование тюремного оборудования на сходных условиях. В то же время следовало принять меры, позволяющие заявителям получать консультации у медицинских специалистов, не входящих в штат тюремных врачей, несмотря на то, что заявители отказывались носить тюремную форму или белье”¹⁰².

Несмотря на вышесказанное, Комиссия, “принимая во внимание важность институциональной проблемы, проявившейся в протесте, а также меры предосторожности в области надзора и санитарии”, которые вынуждены были принимать власти для решения проблемы, пришли к выводу, что постигшая власти неудача – в отсутствие доказательств в пользу противоположного – в данном случае не может быть признана нарушением статьи 3 Европейской конвенции о правах человека¹⁰³.

¹⁰² *Eur. Comm HR, Application No. 8317/78, T. McFeeley and Others v. the United Kingdom, decision of 15 May 1980 on the admissibility, 20 DR, p. 86, para. 64.*

¹⁰³ *Ibid.*, pp. 86-87, para. 65.

*Дополнительная информация о необходимости
медицинского освидетельствования лиц, находящихся
под стражей в полиции*

В целях предотвращения пыток и других форм плохого обращения с лишенными свободы лицами Комитет против пыток подчеркнул “необходимость предоставления подозреваемым ... обследования независимым врачом сразу же после ареста, после каждого допроса и перед его доставкой к следственному судье или перед освобождением”¹⁰⁴.

В многочисленных докладах правительствам отдельных европейских стран, представленных после посещения мест лишения свободы, Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания рекомендовал, чтобы

- лицо, находящееся под стражей в полиции, имело право быть осмотренным самостоятельно выбранным врачом;
- любое медицинское обследование лиц, находящихся под стражей в полиции, проводилось в условиях, не позволяющих полицейским слышать и, желательно, видеть происходящее (если только проводящий осмотр врач не попросил другого); а также
- результаты всех медицинских обследований, а также чтобы соответствующие заявления, сделанные задержанным, и результаты медицинских осмотров были официально зарегистрированы врачом и доступны задержанному и его адвокату¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Заявление в отношении Швейцарии см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/44, стр. 17, пункт 96.

¹⁰⁵ См., в частности, документы Совета Европы: (1) CPT/Inf (92) 4 *Report to the Swedish Government on the Visit to Sweden carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 14 May 1991*, p. 52; (2) CPT/Inf (93) 13, *Report to the Government of the Federal Republic of Germany on the visit to Germany carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 8 to 20 December 1991*, p. 70; (3) CPT/Inf (93) 8, *Report to the Finnish Government on the visit to Finland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 10 to 20 May 1992*, p.56.

Любое лишенное свободы лицо имеет право и обязано поддерживать чистоту, имеет право на нахождение в тепле и на хорошее здоровье. Для этого он или она должны быть обеспечены необходимыми средствами гигиены, одеждой, постельными принадлежностями, пищей, а также медицинскими и стоматологическими услугами.

Любое лишенное свободы лицо имеет право на содержание в камере надлежащего размера с естественным освещением.

При обращении с задержанными и заключенными, объявившими протест или голодовку, власти должны отказаться от жесткого подхода, преследующего карательные цели, и попытаться найти пути к диалогу, руководствуясь принципом гуманности.

Лицо, находящееся под стражей в полиции, должно иметь возможность быть осмотренным врачом, выбранным им самостоятельно. Медицинское обследование должно проводиться в конфиденциальной обстановке, если врач не просил обратного, а результаты медицинских осмотров должны регистрироваться врачом и быть доступны задержанному и его/ее адвокату.

4.4 Вероисповедание

Положения о запрещении дискриминации по **религиозному** признаку содержатся в пункте 1 правила 6 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, в принципе 2 Основных принципов обращения с заключенными и в пункте 1 принципа 5 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принцип 3 Основных принципов, кроме того, гласит, что “желательно уважать религиозные убеждения и культурные традиции той группы, к которой принадлежат заключенные, когда этого требуют местные условия”.

Правила 41 и 42 Минимальных стандартных правил содержат более подробные указания в этом отношении. Во-первых, устанавливается, что “в заведениях, в которых находится достаточное число заключенных, принадлежащих к одному и тому же вероисповеданию, следует назначать квалифицированного служителя данного культа или разрешать ему отправлять там соответствующие обряды. Если число таких заключенных достаточно велико и имеются соответствующие возможности, такого служителя следует назначать на полное время” (пункт 1 правила 41). Квалифицированный служитель, назначаемый или допускаемый в заведение “должен иметь возможность регулярно отправлять религиозные обряды и в отведенное для этого время периодически посещать наедине заключенных,

принадлежащих к его вероисповеданию, для бесед на религиозные темы” (пункт 2 правила 41). Кроме того, “заключенных нельзя лишать возможности доступа к квалифицированным представителям любого вероисповедания”, однако, “если заключенный протестует против его посещения служителем культа, к его пожеланиям следует относиться с полным уважением” (пункт 3 правила 41). И наконец, “в пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения и имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию” (правило 42).

Любое лишенное свободы лицо имеет право не подвергаться дискриминации по религиозному признаку. По мере возможности следует проявлять уважение к религиозным убеждениям и культурным традициям задержанных и заключенных, в том числе организовывать регулярное отправление обрядов и посещение находящихся под стражей лиц служителями культа.

4.5 Организация отдыха

Согласно пункту 1 правила 21 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными “все заключенные, не занятые работой на свежем воздухе, имеют ежедневно право по крайней мере на час подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода”. “Малолетним и другим заключенным подходящего возраста, находящимся в соответствующем физическом состоянии”, необходимо “обеспечивать физическую тренировку и возможность игр во время периода упражнений”, для чего “нужно располагать необходимыми площадками, установками и оборудованием” (пункт 2 правила 21).

Принцип 6 Основных принципов, кроме того, предусматривает, что “все заключенные имеют право участвовать в культурной и образовательной деятельности, направленной на всестороннее развитие человеческой личности”.

Наконец, согласно принципу 28 Свода принципов защиты всех лиц, “задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право получать, если это из государственных источников, то в пределах имеющихся средств, в разумных количествах учебные, художественные и информационные материалы при соблюдении разумных условий, обеспечивающих безопасность и порядок в местах задержания или заключения”.

В отношении полицейских тюрем в Цюрихе, Швейцария, Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечных или

унижающих достоинство видов обращения или наказания рекомендовал принять срочные меры, с тем чтобы обеспечить задержанным доступ к физическим упражнениям на открытом воздухе, по меньшей мере в течение часа в день, в условиях, позволяющих получить от них максимальную пользу и гарантирующих им право на уважение их частной жизни¹⁰⁶. Эти рекомендации были сделаны после отказа задержанных заниматься физическими упражнениями на воздухе, так как они боялись, что их увидят в наручниках и в сопровождении полицейского¹⁰⁷.

Любое лишенное свободы лицо имеет право по меньшей мере на час физических упражнений на воздухе ежедневно в условиях, обеспечивающих его/ее право на неприкосновенность частной жизни. Некоторым категориям заключенных и задержанных может потребоваться особая программа физических тренировок.

Задержанные и заключенные должны иметь достаточный доступ к образовательным, культурным и информационным материалам.

4.6 Одиночное заключение

Одиночное заключение как таковое не регулируется международными договорами в области прав человека, однако многочисленные жалобы на изоляцию во время содержания под стражей и в период заключения привлекли к этой проблеме внимание международных контрольных органов, что нашло свое отражение в указаниях относительно порядка применения этой строгой меры наказания, сформулированных этими органами. В первую очередь следует отметить, что применение такой меры, как одиночное заключение, само по себе не противоречит международному законодательству в области прав человека, в частности положениям статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, однако вопрос о правомерности использования этой меры зависит от **цели, срока и условий** тюремного заключения в каждом конкретном случае.

Комитет по правам человека в своем Замечании общего порядка № 20 отметил, что “продолжительное одиночное заключение содержащегося под стражей или лишенного свободы лица может приравниваться к актам, запрещенным статьей 7” Пакта¹⁰⁸. Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что принцип 7 Основных принципов обращения с заключенными предусматривает необходимость “предпринимать и поощрять усилия по

¹⁰⁶ Council of Europe doc. CPT/Inf (93) 3, Report to the Swiss Federal Council on the Visit to Switzerland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 21 to 29 July 1991, стр. 75 текста на французском языке.

¹⁰⁷ Ibid., p. 20, paras. 22-23.

¹⁰⁸ Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций, стр. 290, пункт 6.

отмене одиночного содержания в качестве *наказания* или по ограничению его применения” (курсив наш).

Комитет по правам человека изучил проблему одиночного заключения в деле *Вуоланне*, которое началось с подачи жалобы призывником, получившим в качестве взыскания “10 суток строгого ареста, т. е. содержание на гауптвахте без исполнения служебных обязанностей”. Заявитель, в частности, утверждал, что “он был заперт в камере размером 2?3 метра с крошечным окном, где в качестве мебели присутствовала только походная кровать, небольшой стол, стул и тусклая электрическая лампа”, а также что “ему позволялось покидать свою камеру только для принятия пищи, посещения туалета и ежедневной получасовой прогулки”¹⁰⁹. Тем не менее Комитет пришел к заключению, что в данном случае не была нарушена ни статья 7, ни пункт 1 статьи 10, так как: во-первых, не было обнаружено признаков того, что “одиночное заключение, которое было применимо к заявителю, принимая во внимание строгость, продолжительность и цель этой меры, не оказало на него негативного воздействия ни физиологического, ни психологического характера”; и во-вторых, “не было установлено, что г-н Вуоланне был поставлен в унижительное положение и что его достоинство было ущемлено, если не считать чувство стыда, которое испытывает любой человек, получающий дисциплинарное взыскание”¹¹⁰.

В деле *Антонассио*, между тем, было принято иное решение. Комитет постановил, что были нарушены как положения статьи 7, так и пункт 1 статьи 10, так как заявитель содержался в подземной камере и ему было отказано в необходимой ему – ввиду состояния его здоровья – медицинской помощи; и кроме того, на протяжении трех месяцев его подвергали пыткам¹¹¹. Нарушение положения пункта 1 статьи 10 имело место в деле *Гомеса де Войтурета* – заявитель находился в одиночном заключении около семи месяцев “в камере, практически лишенной дневного света”. По мнению Комитета, нарушение пункта 1 статьи 10 в данном случае состояло в том, что заявитель “находился несколько месяцев в одиночном заключении, условия которого нарушали чувство собственного достоинства, присущее человеческой личности”¹¹².

Одиночное заключение было признано нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10 в деле *Эспинозы де Полай*, в частности по той причине, что автор “был изолирован 23 часа в сутки в маленькой камере”, а также того факта, что он выходил на дневной свет не более чем на 10 минут в день¹¹³.

¹⁰⁹ Communication No. 265/1987, *A. Vuolanne v. Finland* (Views adopted on 7 April 1989), в UN doc. *GAOR*, A/44/40, p. 249, para. 2.2 and p. 250, para. 2.6.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 256, para. 9.2.

¹¹¹ Communication No. R.14/63, *R. S. Antonaccio v. Uruguay* (Views adopted on 28 October 1981), в UN doc. *GAOR*, A/37/40, стр. 120, пункт 20 совместно с пунктом 16.2, стр. 119.

¹¹² Communication No. 109/1981, *T. Gumez de Voituret v. Uruguay* (Views adopted on 10 April 1984), в UN doc. *GAOR*, A/39/40, p. 168, paras. 12.2-13.

¹¹³ Сообщение № 577/1994, *P. Эспиноза де Полай против Перу* (соображения приняты 6 ноября 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том II), стр. 42, пункт 8.7.

В отношении Норвегии и Швеции Комитет против пыток среди прочего рекомендовал отменить применение такой меры, как содержание в одиночной камере, особенно во время предварительного заключения, во всех случаях, за исключением чрезвычайных обстоятельств, когда *может быть нанесен ущерб безопасности физических лиц и имуществу*. Кроме того, было рекомендовано, чтобы применение этой исключительной меры “строго и конкретно регулировалось законом” и контролировалось судебными органами¹¹⁴.

При анализе вопроса о том, не является ли одиночное заключение нарушением статьи 3 Европейской конвенции о правах человека, Европейская комиссия по правам человека последовательно рассматривает правомерность данной меры в свете *продолжительности ее применения, преследуемой цели и возможного воздействия на лицо, подвергшееся этому виду наказания*. Данный подход был применен в деле *P. против Дании*, по обстоятельствам которого заявитель во время предварительного заключения провел не менее 17 месяцев в одиночной камере. В своем решении по данному делу Комиссия подчеркнула, что “при рассмотрении вопроса о применении одиночного заключения как меры наказания необходимо строго соблюдать баланс между требованиями следствия и воздействием, которое изоляция оказывает на задержанного”. Несмотря на то что, по признанию Комиссии, “заявитель был изолирован на нежелательный срок”, Комиссия, тем не менее, сочла, что “с учетом конкретных обстоятельств заключения в рамках рассматриваемого дела применение этой меры не было настолько строгим, чтобы подпасть под действие статьи 3” Конвенции¹¹⁵. В связи с этим Комиссия подчеркнула, что “заявитель содержался в камере размером приблизительно шесть квадратных метров”; что “ему позволялось слушать радио и смотреть телевизор”; что на протяжении этого времени “он мог заниматься физическими упражнениями на открытом воздухе ежедневно в течение одного часа”; что ему разрешалось брать книги в тюремной библиотеке; что он ежедневно по несколько раз контактировал с тюремным персоналом, а иногда с другими людьми в ходе полицейских допросов и судебных заседаний; что он находился под медицинским наблюдением; и наконец, несмотря на некоторые ограничения на свидания в этот период, “его под контролем посещали члены его семьи”¹¹⁶.

Европейский комитет по предотвращению пыток, разрабатывающий конкретные рекомендации по результатам своих расследований на местах, в отношении одного из мест содержания под стражей в Швейцарии, в частности, указал, что случаи, когда приходится прибегать к принудительной

¹¹⁴ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/44, стр. 25, пункт 156 (Норвегия) и *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/44, стр. 32, пункт 225 (Швеция).

¹¹⁵ *Eur. Comm. HR, R. v. Denmark, Application No. 10263/83, R. v. Denmark, decision of 11 March 1985 on the admissibility*, 41 DR, p. 154.

¹¹⁶ *Ibid.*, pp. 153-154.

изоляции, должны быть четко определены и что эту меру следует использовать только в исключительных обстоятельствах; кроме того, срок изоляции должен быть “сокращен до минимально возможного” и, если потребуется, должен пересматриваться каждые три месяца на основании социально-медицинских отчетов¹¹⁷. В связи с этим Европейский комитет также рекомендовал, чтобы каждый заключенный, чья изоляция была продлена, информировался в письменной форме о причинах такого решения, если только не существует веских причин, по которым следует воздержаться от такого шага в интересах безопасности. При необходимости в случае продления изоляции заключенному должна быть предоставлена возможность получить правовую помощь и довести свою точку зрения до компетентных органов¹¹⁸.

4.6.1 Заключение без права переписки и общения

Заключение без права переписки и общения (“инкоммуникадо”) является особо строгой формой одиночного заключения, при котором лишенные свободы лица не имеют никакого доступа к внешнему миру, что увеличивает риск нарушения прав человека. Вряд ли возможно назвать точно число людей, которые подвергались пыткам, исчезали, и даже были убиты, в результате широкого применения практики заключения без права переписки и общения. В докладе Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о применении пыток указывается, что пытки “наиболее часто практикуются во время содержания под стражей ‘инкоммуникадо’”, в связи с чем, по его мнению, подобное заключение “должно быть поставлено вне закона и лица, содержащиеся ‘инкоммуникадо’ ... должны быть освобождены без промедления”¹¹⁹. Как будет отмечено ниже, прочие международные контрольные органы также все больше склоняются к тому, чтобы отказаться от применения данной формы предварительного заключения.

В Замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека подчеркнул необходимость “принимать меры в целях запрещения содержания под стражей без права переписки и общения” и уточнил, что помимо этого “государства-участники должны обеспечить, чтобы во всех местах задержания не устанавливалось какого-либо оборудования, которое можно было бы использовать для пыток или плохого обращения”¹²⁰. По результатам анализа четвертого периодического доклада Чили Комитет рекомендовал “государству-участнику ... пересмотреть свое законодательство по данному вопросу с целью полной отмены практики содержания под стражей без связи с внешним миром”¹²¹. В связи с рассмотрением

¹¹⁷ Документ Совета Европы CPT/Inf (93) 3, *Report to the Swiss Federal Council on the Visit to Switzerland carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 21 to 29 July 1991*, p.77.

¹¹⁸ Ibid., loc. cit.

¹¹⁹ Документ Организации Объединенных Наций E/CN.4/1995/34, *Доклад Специального докладчика по вопросу о применении пыток*, пункт 926(d).

¹²⁰ *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 191, пункт 11.

¹²¹ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том I), стр. 35, пункт 209.

первоначального доклада Швейцарии Комитет выразил сожаление по поводу “предусмотренной в ряде кантонов практики ... содержания ‘инкоммуникадо’ на период продолжительностью от 8 до 30 дней, а в некоторых случаях – даже на неопределенное время” и рекомендовал, “проводить более интенсивное обсуждение вопросов, связанных с унификацией кантональных уголовных законодательств и процедур при соблюдении положений Пакта, в частности о предоставлении основных гарантий в период задержания или содержания под стражей без связи с внешним миром”¹²².

В деле *Эль-Меграйзи* брат автора сообщения находился в заключении без права переписки и общения в Ливийской Арабской Джамахирии более трех лет, пока наконец его жене не разрешили посетить его в апреле 1992 года; на дату 23 марта 1994 года, когда Комитет принял решение по этому вопросу, г-н Эль-Меграйзи все еще находился в заключении без права переписки и общения. Это дало основания Комитету сделать вывод о том, что, “будучи подвергнут длительному содержанию под стражей в неизвестном месте без права переписки и общения, [он] является жертвой **пытки и жестокого и бесчеловечного обращения**” в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта¹²³. Положение статьи 7 было также нарушено в деле *Муконга*, когда автора “содержали без связи с внешним миром, ему угрожали пыткой и убийством, лишали пищи и запирали в камере на несколько дней, лишая его прогулок”. С учетом замечания общего порядка, упомянутого выше, Комитет, кроме того, отметил, что “полная изоляция содержащегося под стражей или подвергающегося тюремному заключению лица может отождествляться с действиями, запрещенными статьей 7”, и постановил, что г-н Муконг подвергся **жестокости, бесчеловечности и унижающему человеческое достоинство обращению**” в нарушение данной статьи¹²⁴. При рассмотрении ряда других дел Комитет пришел к заключению, что содержание под стражей без права переписки и общения на протяжении нескольких недель или месяцев противоречит пункту 1 статьи 10 Пакта, в том числе такое решение было принято по одному из дел, в котором подобное содержание под стражей длилось 15 суток¹²⁵. Однако эти дела слушались до того, как были рассмотрены дела *Эль-Меграйзи* и *Муконга*, что позволяет сделать вывод о том, что Комитет на сегодняшний день практикует более строгий правовой подход к применению такой меры, как содержание под стражей без права переписки и общения.

И наконец, положения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 были нарушены в деле *Эспинозы де Полай*, когда автор сообщения содержался под стражей без

¹²² Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/40 (том I), стр. 18, пункт 98 и стр. 20, пункт 109.

¹²³ Сообщение № 440/1990, *Й. Эль-Меграйзи против Ливийской Арабской Джамахирии* (соображения приняты 23 марта 1994 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/49/40 (том II), стр. 129, пункт 5.4 (курсив наш).

¹²⁴ Сообщение № 458/1991, *А.В. Муконг против Камеруна* (соображения приняты 21 июля 1994 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/49/40 (том II), стр. 178, пункт 9.4 (курсив наш).

¹²⁵ Communication No. 147/1983, *L. Arzuaga Gilboa v. Uruguay* (Views adopted on 1 November 1985), в UN doc. *GAOR*, A/41/40, p. 133, para. 14 (15 суток); и, например, Communication No. 139/1983, *H. Conteris v. Uruguay* (Views adopted on 17 July 1985), в UN doc. *GAOR*, A/40/40, p. 202, para. 10 (более трех месяцев).

права переписки и общения с 22 июля 1992 года по 26 апреля 1993 года, а впоследствии еще в течение года после вынесения приговора¹²⁶.

Комитет против пыток рекомендовал Перу отменить период содержания в следственном изоляторе без связи с внешним миром¹²⁷.

В деле *Суареса Розеро* Межамериканский суд по правам человека постановил, что:

“51. *Содержание под стражей без права общения и переписки* является исключительной мерой, направленной на предотвращение какого-либо вмешательства в расследование фактов. Подобная изоляция должна быть четко ограничена законодательством по времени. Но даже в этом случае государство обязано обеспечить задержанному минимальные и не допускающие отступления гарантии, установленные Конвенцией, в частности право оспаривать правомерность задержания и обеспечения доступа к эффективной защите на время лишения свободы”¹²⁸.

Г-н Суарес Розеро содержался без права общения и переписки в течение 36 суток, несмотря на то что максимальный срок для такого задержания, согласно законодательству Эквадора, составляет 24 часа; откуда следует, что в данном случае было нарушено положение пункта 2 статьи 7 Американской конвенции о правах человека¹²⁹. Межамериканский суд, кроме того, пояснил, что

“90. Одной из причин того, что *содержание под стражей без права общения и переписки* считается исключительной мерой, является серьезное воздействие, которое оно оказывает на задержанного. Очевидно, что изоляция от внешнего мира вызывает моральный и психологический стресс у любого человека, ставит его в особо уязвимое положение и увеличивает риск возникновения актов агрессии и произвола в тюрьмах”¹³⁰.

На основании приведенных ниже доводов, которые не были оспорены Эквадором, Межамериканский суд постановил, что содержание под стражей

¹²⁶ Сообщение № 577/1994, *Р. Эспиноза де Полай против Перу* (соображения приняты 6 ноября 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/53/40 (том II), стр. 42–43, пункты 8.4, 8.6 и 9. Условия содержания автора при задержании и в заключении являются нарушением положений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 и в других отношениях: в частности в том, что автор сообщения не был изолирован от прессы во время его перевода из одного места заключения в другое; а также в условиях его содержания в одиночной камере.

¹²⁷ Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/55/44, стр. 28, пункт 61 b).

¹²⁸ *I-A Court HR, Suárez Rosero case v. Ecuador, judgment of November 12, 1997*, in OAS doc. OAS/Ser.L/V/III.39, doc. 5, *Annual Report of the Inter-American Court of Human Rights 1997*, p. 296, para. 51.

¹²⁹ *Ibid.*, paras. 48 and 52.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 301, para. 90.

без права общения и переписки является **жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство человека обращением**, которое нарушает пункт 2 статьи 5 Американской конвенции о правах человека:

“91. Сам факт того, что пострадавший в течение 36 дней был лишен всякой связи с внешним миром, в том числе со своей семьей, позволяет суду заключить, что г-н Суарес Розеро был подвергнут жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, тем более, что *содержание без права общения и переписки*, как было доказано, является нарушением внутреннего законодательства Эквадора. Пострадавший рассказал Суду о том, что он пережил, не имея возможности получить доступ к адвокату или как-то связаться с семьей. В своих показаниях он также заявил, что во время заключения он содержался в сыром подземном помещении размером около 15 кв. м совместно с 16 другими заключенными в условиях полной антисанитарии и что ему приходилось спать на газете; кроме того, он описал побои и угрозы, которым он подвергался во время содержания под стражей. Принимая во внимание все вышеперечисленное, следует признать, что обращение с г-ном Суаресом Розеро было жестоким, бесчеловечным и унижительным”¹³¹.

По делу *Веласкеса Родригеса*, в котором рассматривались обстоятельства принудительного исчезновения г-на Веласкеса, Межамериканский суд постановил:

“156. ... длительная изоляция и лишение возможности общения **сами по себе** являются жестоким и бесчеловечным обращением, губительным для духовной и моральной целостности личности, а также нарушением права каждого задержанного на уважение достоинства, присущего человеческой личности. Подобное обращение, таким образом, является нарушением статьи 5 Конвенции, признающей право на неприкосновенность личности ...”¹³².

Взаимосвязь между необеспечением незамедлительного судебного вмешательства, изоляцией и пыткой особенно ярко проявилась в деле *Аксоя*, по обстоятельствам которого, как было показано выше в подразделе 2.3.2, заявитель подвергался пыткам в нарушение статьи 3 Европейской конвенции о правах человека. В данном случае заявитель содержался без права на переписку и общение по меньшей мере в течение четырнадцати дней без судебного вмешательства и затем предстал перед государственным прокурором с ранами на руках. Согласившись с тем, что расследование дел, связанных с терроризмом, “безусловно представляет для властей особые проблемы”, Суд тем не менее счел недопустимым содержание подозреваемого в течение четырнадцати дней без судебного вмешательства,

¹³¹ Ibid., pp. 301-302, para. 91.

¹³² I-A Court HR, *Case of Velásquez Rodríguez v. Honduras, judgment of July 29, 1988, Series C, No. 4*, p. 148, para. 156 (курсив наш). Сравнить также с *ibid.*, p. 159, para. 187.

подчеркнув, что этот “чрезвычайно долгий срок делал заявителя уязвимым не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также и в отношении пыток”¹³³. Незамедлительное судебное вмешательство для рассмотрения вопроса о законности такой меры, как лишение свободы, является, таким образом, эффективным средством обеспечения физической и психической неприкосновенности лиц, лишенных свободы.

Не являясь незаконной мерой по сути, одиночное заключение, тем не менее, должно применяться лишь в исключительных случаях, особенно в период досудебного задержания. Правомерность одиночного заключения зависит от его цели, срока и условий.

К одиночному заключению можно прибегать лишь тогда, когда оказываются под угрозой безопасность или благосостояние физических лиц или имущества, при этом необходимо на регулярной основе осуществлять судебный надзор.

Одиночное заключение не должно применяться в качестве наказания. Содержание под стражей с лишением права переписки и общения представляет собой особо строгий режим одиночного заключения и должно быть объявлено вне закона. Длительная изоляция сама по себе является формой пытки и жестокого и бесчеловечного обращения.

Какие-либо действия, направленные на то чтобы помешать лицам, лишенным права переписки и общения, оспорить правомерность их содержания под стражей либо подготовить эффективную линию защиты, являются незаконными. Незамедлительное судебное вмешательство с целью определения обоснованности такой меры, как лишение свободы, является действенным средством, позволяющим обеспечить физическую и моральную неприкосновенность лиц, находящихся под стражей.

¹³³ Eur. Court HR, *Aksoy v. Turkey*, judgment of 18 December 1996, Reports 1996-VI, p. 2282, para. 78.

5. Контакты с внешним миром

Один из фундаментальных принципов в отношении права задержанных и заключенных поддерживать контакты с миром за пределом учреждений, в которых они содержатся, заключается в том, что, как и свободные люди, лишенные свободы пользуются всеми правами человека, гарантируемыми международным правом, с учетом, разумеется, тех ограничений, которые являются неминуемым следствием заключения¹³⁴. Это означает в том числе, что задержанный или заключенный не должен “подвергаться... произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию” (статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах).

5.1 Контакты с членами семьи и друзьями: посещения и переписка

Правило 37 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными гласит, что “заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещений”. Заключенным, являющимся иностранными гражданами, “следует обеспечивать разумную возможность поддерживать связь с дипломатическими и консульскими представителями их страны”, или “поддерживать связь с дипломатическими представителями государства, взявшего на себя охрану их интересов, или же с любым национальным или международным органом, занимающимся их защитой” (пункты 1 и 2 правила 38). Кроме того, в соответствии с правилом 92:

“92. Подследственные заключенные должны иметь возможность немедленно информировать семью о факте их заключения, пользоваться разумной возможностью общения с родственниками и друзьями и принимать их в тюрьме, подвергаясь при этом только тем ограничениям и надзору, которые необходимы для должного отправления правосудия, соблюдения требований безопасности и обеспечения нормальной работы заведения”.

Согласно принципу 15 Свода принципов, “задержанному или находящемуся в заключении лицу может быть отказано в связи с внешним миром, и в частности с его семьей или адвокатом, в течение периода, не превышающего нескольких дней”. Наряду с этим пункт 1 принципа 16 Свода принципов гласит:

¹³⁴ См., в частности, заявление Комитета по правам человека в его замечании общего порядка № 21 к статье 10, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, пункт 3, стр. 193.

“1. Вскоре после ареста и после каждого перевода из одного места задержания или заключения в другое задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право обратиться в компетентный орган с просьбой уведомить членов его семьи или других соответствующих лиц по его выбору о его аресте, задержании или заключении или же о переводе и о месте, в котором оно содержится”.

В соответствии с пунктом 4 принципа 16 подобное уведомление “должно отправляться или разрешаться... *без промедления*” (курсив наш), хотя “компетентный орган может... отсрочить уведомление на разумный период, если того требуют исключительные обстоятельства расследования”. Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках рекомендовал в связи с этим, что “при любых обстоятельствах одному из родственников задержанного должны сообщить об аресте и месте содержания под стражей в течение 18 часов”¹³⁵, предельный срок, который, тем не менее, представляется излишне долгим, принимая во внимание многочисленные случаи жестоких пыток и насильственного исчезновения, которые происходят в первые часы после ареста.

Наконец, согласно принципу 19 Свода принципов:

“Задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется, в частности, право на посещение членами семьи и переписку с ними, а также соответствующая возможность сноситься с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям, содержащимся в законе и в установленных в соответствии с законом правилах”.

Отказ администрации тюрьмы в разрешении задержанному или заключенному переписываться с членами семьи и принимать их посещения может нарушать как статью 7, так и пункт 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах. Например, в вышеупомянутом деле *Эспинозы де Полай* автору не только было отказано в посещении членами семьи в течении года после вынесения приговора, но он также не мог получать письма от своей семьи и направлять им письма. Это является *бесчеловечным обращением*, противоречащим статье 7 Пакта, а также нарушает пункт 1 статьи 10¹³⁶. Тем не менее не совсем ясно, как часто, по мнению Комитета, заключенному следует разрешать видеться и переписываться со своей семьей.

В деле *Эстреллы* статья 17, рассматриваемая в сочетании с пунктом 1 статьи 10, была нарушена в силу той строгости, с которой переписка автора подвергалась цензуре и ограничивалась в тюрьме “Либертад”, Уругвай¹³⁷. Г-н Эстрелла утверждал, что сотрудники тюремной администрации произвольно удаляли предложения из писем и отказывались их отправлять; на протяжении

¹³⁵ Документ Организации Объединенных Наций E/CN.4/1995/34, Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках, пункт 926 d).

¹³⁶ Сообщение № 577/1994, *P. Эспиноза де Полай против Перу* (соображения приняты 6 ноября 1997 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, A/53/40* (том II), стр. 42, пункт 8.6.

¹³⁷ Communication No. 74/1980, *M. A. Estrella v. Uruguay* (Views adopted on 29 March 1983), в UN doc. *GAOR, A/38/40*, p. 159, para. 10.

всего срока содержания под стражей, составлявшего два года и четыре месяца, согласно его утверждениям, ему выдали только 35 писем, причем на протяжении семи месяцев ему не дали ни одного¹³⁸. В отношении цензуры корреспонденции г-на Эстреллы Комитет заявил, что:

“... для тюремных властей осуществление мер контроля и цензуры корреспонденции заключенных является нормальной практикой. Тем не менее, статья 17 Пакта предусматривает, что ‘никто не может подвергаться... произвольному или незаконному вмешательству... в тайну его корреспонденции’. Это предполагает, что любая мера контроля и цензуры должна ограничиваться удовлетворительными правовыми гарантиями, не допускающими произвольного вмешательства... Наряду с этим степень ограничения должна соответствовать стандартам гуманного обращения с задержанными, предписанными в пункте 1 статьи 10 Пакта. В частности, заключенным следует разрешать под необходимым надзором общаться с их семьями и пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, через регулярные промежутки времени, как в порядке переписки, так и в ходе посещения. На основе приведенной выше информации Комитет постановил, что корреспонденция Мигеля Анхела Эстрелла в тюрьме ‘Либертад’ подвергалась цензуре и ограничениям в степени, которую государство-участник не обосновало как совместимую со статьей 17, рассматриваемой в сочетании с пунктом 1 статьи 10 Пакта”¹³⁹.

Наиболее подробные доводы в отношении переписки лиц, содержащихся под стражей, были приведены Европейским судом по правам человека, а относящиеся к делу жалобы были рассмотрены согласно пункту 1 статьи 6 и статьи 8 Европейской конвенции о правах человека, которые гарантируют, соответственно, в том числе право на доступ к суду и уважение тайны корреспонденции. Что касается пункта 1 статьи 6, он будет рассмотрен ниже, в разделе 5.2.

В то время как пункт 1 статьи 8 Европейской конвенции о правах человека предусматривает, что “каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции”, пункт 2 накладывает следующие ограничения на осуществление этого права:

“2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

¹³⁸ Ibid., p. 154, para. 1.13.

¹³⁹ Ibid., pp. 158-159, para. 9.2.

Таким образом, для того чтобы иметь законную силу, прекращение или задержка переписки задержанного или заключенного должны осуществляться “в соответствии с законом” в целях достижения одной или нескольких законных целей, перечисленных в Конвенции, и быть “необходимыми в демократическом обществе” для достижения подобной цели или целей. Тем не менее, большинство проблем, рассматриваемых международными органами контроля, связаны с вмешательством в переписку с адвокатами, а не с членами семей, и этот конкретный аспект подробнее рассматривается ниже.

5.1.1 Права посетителей задержанных и заключенных

Права *посетителей* лиц, лишенных свободы, были рассмотрены в деле против Аргентины в соответствии с Американской конвенцией о правах человека. Жалоба касалась положения женщины и ее тринадцатилетней дочери, которые обе должны были подвергаться вагинальному осмотру перед каждым семейным свиданием с человеком, являвшимся, соответственно, их мужем и отцом. Истцы заявили Межамериканской комиссии по правам человека, что эти досмотры были незаконным препятствием осуществлению их права на семейную жизнь, а также их права на неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство, равно как и права на физическую неприкосновенность, что является нарушением статей 17, 11 и 5 Межамериканской конвенции о правах человека¹⁴⁰.

Рассмотрев эти утверждения, Комиссия постановила, *во-первых*, что “такая крайняя мера, как вагинальные осмотр или освидетельствование посетителей, связанные с угрозой нарушения ряда свобод, гарантированных Конвенцией, должна быть предписана законом, в котором четко указывались бы обстоятельства, при которых она может применяться, и устанавливались бы условия, в которых можно применять подобную процедуру, с тем чтобы все лица, которые подвергаются данной процедуре, получили максимально возможные гарантии защиты от произвола и злоупотребления в ее применении”¹⁴¹. *Во-вторых*, Комиссия не подвергала сомнению необходимость общего осмотра перед посещением тюрем; по ее мнению, тем не менее, “вагинальные осмотр или освидетельствование, вместе с тем, являются исключительной и весьма интрузивной формой проверки”; несмотря на то что “рассматриваемая мера может применяться в исключительных случаях, с тем чтобы гарантировать безопасность при некоторых конкретных обстоятельствах, нельзя утверждать, что систематическое ее применение в отношении всех посетителей является необходимой мерой обеспечения общественной безопасности”¹⁴².

В-третьих, Комиссия разъяснила, что, для того чтобы вагинальные осмотр или освидетельствование имели законную силу в конкретном случае, они должны отвечать следующим четырем условиям:

¹⁴⁰ I-A Comm. HR, Report No. 38/96, Case 10.506 v. Argentina, October 15, 1996, in OAS doc. OEA/Ser.L/V/II.95, doc. 7 rev., Annual Report of the Inter-American Commission on Human Rights 1996, pp. 58-59, para. 48.

¹⁴¹ Ibid., pp. 63-64, para. 64.

¹⁴² Ibid., p. 64, para. 68.

- ❖ “должен быть абсолютно необходимым для достижения цели обеспечения безопасности в данном конкретном случае”;
- ❖ “должен отсутствовать какой-либо альтернативный вариант”;
- ❖ “должен назначаться судебным постановлением”; и, наконец,
- ❖ “должен проводиться соответствующим медицинским работником”¹⁴³.

Применив эти принципы к рассматриваемому случаю, Комиссия постановила, что:

- ❖ данная мера “могла быть оправдана непосредственно после того, как было установлено, что у г-на X имелись взрывчатые вещества”, но этого нельзя утверждать относительно “неоднократного применения данной меры перед этим”¹⁴⁴;
- ❖ существовали “другие более разумные варианты... которые могли применяться администрацией для обеспечения безопасности в тюрьме”¹⁴⁵;
- ❖ правовой обязанностью государства в соответствии с Американской конвенцией является “запрашивать судебное постановление на осуществление осмотра меры”, чего не было сделано¹⁴⁶;
- ❖ права истцов были нарушены в силу того, что данная интрузивная мера не сопровождалась “соответствующими гарантиями”. Комиссия подчеркнула необходимость того, чтобы “медицинский осмотр в любой форме... осуществлялся практикующим врачом при строжайшем соблюдении требований безопасности и гигиены, поскольку существует вероятность причинения физического и морального ущерба отдельным лицам”¹⁴⁷.

В заключение Комиссия отметила, что “если тюремная администрация... систематически проводила вагинальный осмотр г-жи X и [г-жи] Y, это нарушало их право на физическую и моральную неприкосновенность, что противоречит статье 5 Конвенции”¹⁴⁸. Подобные осмотры также нарушали “права истцов на честь и достоинство, защищаемые статьей 11 Конвенции”¹⁴⁹. Требование, согласно которому истицы должны подвергаться такому осмотру каждый раз, когда они хотят получить семейное свидание с г-ном X, является также “необоснованным вмешательством” в осуществление их семейных прав, гарантированных статьей 17 Конвенции¹⁵⁰. Наконец, в отношении дочери такие осмотры нарушали права ребенка, гарантированные статьей 19 Конвенции¹⁵¹. Иначе говоря, при организации посещения членами семей мест заключения власти должны делать это так, чтобы соблюдать также права и свободы посетителей.

143 Ibid., p. 65, para. 72.

144 Ibid., pp. 65-66, para. 73.

145 Ibid., p. 67, para. 80.

146 Ibid., p. 68, para. 83.

147 Ibid., paras. 84-85.

148 Ibid., p. 69, para. 89.

149 Ibid., p. 70, para. 94.

150 Ibid., p. 72, para. 100.

151 Ibid., p. 73, para. 105.

5.2 Контакты с адвокатами: посещения и переписка

Контакты между адвокатами и их клиентами являются доверительными и конфиденциальными, причем это базовое правило продолжает применяться, когда клиенты лишены свободы. Правило 93 Минимальных стандартных правил устанавливает в этом отношении, что:

“93. В целях своей защиты подследственные заключенные должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключение юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. С этой целью в их распоряжение следует предоставлять по их требованию письменные принадлежности. Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов”.

Этот вопрос также затронут в принципе 18 Свода принципов, который гласит:

- “1. Задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право связываться и консультироваться с адвокатом.
2. Задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляются необходимое время и условия для проведения консультаций со своим адвокатом.
3. Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним, без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности, не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка.
4. Свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать.
5. Связь задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом не может использоваться как свидетельство против обвиняемого или находящегося в заключении лица, если она не имеет отношения к совершаемому или замышляемому преступлению”.

Наряду с важностью получения юридической консультации для подготовки защиты по уголовному делу, Комитет по правам человека также подчеркнул, в связи с риском плохого обращения с лицами, лишенными

свободы, что “защита содержащегося под стражей лица... предполагает также обеспечение своевременного и регулярного доступа к врачам и адвокатам и под надлежащим надзором, если того требуют интересы следствия, к членам семьи”¹⁵². Дела, упомянутые выше в связи с содержанием под стражей без права переписки и общения, демонстрируют настоятельную необходимость постоянного эффективного применения данного правила. См. примеры дел, касающихся права подозреваемого на доступ к адвокату в целях обеспечения собственной защиты, выше, в разделе 7 главы 5, подразделе 6.4 главы 6 и подразделе 3.5 главы 7.

Дело *Томлина*, рассматривавшееся согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, касалось якобы имевшего место вмешательства в переписку между заключенным и его адвокатом. Автор утверждал, что письмо, написанное им своему адвокату 22 апреля 1991 года, в котором шла речь о ходатайстве о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции в Судебный комитет Тайного совета, было отправлено тюремной администрацией только 10 июля 1991 года; правительство отрицало данный факт, заявив, что нет “доказательств произвольного или незаконного вмешательства в переписку автора”¹⁵³. Комитет по правам человека согласился с тем, что представленные ему материалы “не содержат никаких указаний на то, что власти государства-участника, в частности тюремная администрация, задерживали письмо автора к адвокату в течение срока, превышающего два месяца”. Ввиду этого Комитет не мог сделать вывод, что имело место “произвольное посягательство на неприкосновенность частной жизни автора согласно пункту 1 статьи 17 Пакта”¹⁵⁴. Вместе с тем Комитет добавил, что он считает, что столь длительная задержка “может явиться предметом рассмотрения в связи с пунктом 3 b) статьи 14 в той мере, в какой она может являться нарушением права автора свободно сноситься со своим адвокатом. Однако, поскольку такая задержка не имела негативных последствий для осуществления права автора на соответствующую подготовку своей защиты”, она не может рассматриваться как нарушение пункта 3 b) статьи 14¹⁵⁵.

¹⁵² Замечание общего порядка № 20, *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 191, пункт 11.

¹⁵³ Сообщение № 589/1994, *К. Томлин против Ямайки* (соображения приняты 16 июля 1996 года), Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/51/40* (том II), стр. 196, пункты 3.7 и 4.5.

¹⁵⁴ Там же, стр. 198, пункт 8.3.

¹⁵⁵ Там же, цит.место.

Вопросы по делу Томлина

- Имеет ли значение, что задержка в отправке письма клиента-заключенного своему адвокату *фактически* не имела отрицательных последствий для его правовой защиты?
- Почему Комитет по правам человека продолжил рассмотрение дела по статье 14 Пакта, хотя он установил, что нет доказательств того, что власти задержали письмо и осуществили произвольное посягательство на право автора на неприкосновенность частной жизни согласно пункту 1 статьи 17?
- Сравните доводы Комитета с изложенными ниже доводами Европейского суда по правам человека. В чем различия? Являются ли эти различия юридически обоснованными?
- Должен ли, по вашему мнению, Комитет придерживаться своего решения по делу *Томлина* в последующих сообщениях?

Вопрос о переписке заключенных неоднократно рассматривался Европейским судом по правам человека, заключения которого содержат важные разъяснения права задержанного или заключенного на сношения со своим адвокатом как в целях защиты, так и для подачи жалоб на условия содержания и обращения в тюрьме. Хотя Европейский суд в принципе допускает, что может возникнуть необходимость вмешательства в переписку заключенного “для предотвращения беспорядка или преступления” в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Европейской конвенции о правах человека, такие меры должны быть соразмерны с законной целью, преследуемой в демократическом обществе, и в этом отношении следует учитывать свободу принятия решений, которой пользуется правительство¹⁵⁶. Относительно масштабов контролирования корреспонденции Суд констатировал следующее:

“45. Также было признано, что определенная степень контролирования корреспонденции заключенных необходима и сама по себе не является несовместимой с Конвенцией, с учетом обычных и разумных требований к содержанию под стражей... Тем не менее, при оценке допустимых масштабов подобного контроля в целом нельзя не учитывать тот факт, что возможность писать и получать письма иногда является единственным звеном, связывающим заключенного с внешним миром.

46. Очевидно, что в общих интересах, чтобы любое лицо, желающее получить консультацию адвоката, могло проделать это в условиях, содействующих полномасштабному и беспрепятственному обсуждению. По этой причине отношения между адвокатом и его клиентом в принципе являются доверительными. В своем решении по делу *С. против Швейцарии*

¹⁵⁶ Eur. Court HR, *Case of Campbell v. the United Kingdom*, judgment of 25 March 1992, Series A, No. 233, p. 18, para. 44.

от 28 ноября 1991 года Суд подчеркнул важность права заключенного на общение с юристом вне пределов слуха тюремных властей. Было отмечено в контексте статьи 6, что, если адвокат не может вести переговоры со своим клиентом без подобного надзора и получать от него конфиденциальные указания, его помощь теряет значительную долю своей полезности, в то время как целью Конвенции является обеспечение прав, которые применимы на практике и эффективны...

47. По мнению Суда, аналогичные соображения применимы в отношении переписки заключенного с адвокатом по ожидаемым или предстоящим судебным процессам, когда соблюдение конфиденциальности является столь же необходимым, в особенности когда подобная корреспонденция касается... исков и жалоб в отношении тюремных властей. Подвергать такую корреспонденцию регулярному досмотру, особенно со стороны лиц или органов, которые могут быть непосредственно заинтересованы в ее содержании, не соответствует принципам конфиденциальности и профессиональной доверительности, которые характеризуют отношения между адвокатом и его клиентом.

48. Очевидно... что особенно сложно провести границу между перепиской, касающейся ожидаемых судебных процессов, и перепиской общего характера, а переписка с адвокатом может касаться вопросов, лишь отчасти относящихся или вообще не относящихся к судебным процессам. Тем не менее, Суд не видит оснований проводить различия между категориями переписки с адвокатами, которая, независимо от цели, касается вопросов частного и конфиденциального характера. Подобные письма в принципе являются доверительными согласно статье 8.

Это означает, что тюремная администрация может вскрыть письмо от адвоката заключенному, когда у них есть достаточные основания полагать, что в нем содержится запрещенное вложение, которое обычные средства обнаружения не смогли выявить. Тем не менее, письмо должно быть только вскрыто, но не прочитано. Соответствующие гарантии того, что письмо не будет прочитано, должны быть обеспечены, например, вскрытие письма может производиться в присутствии заключенного. Чтение переписки заключенного с адвокатом, с другой стороны, может допускаться только при исключительных обстоятельствах, когда власти имеют достаточные основания полагать, что имеет место злоупотребление конфиденциальностью, а содержание письма угрожает безопасности тюрьмы или безопасности других лиц или иным образом носит преступный характер. Что можно считать “достаточным основанием”, зависит от всех обстоятельств, но предполагает наличие фактов или информации, которые убедят объективного наблюдателя, что имеет место злоупотребление конфиденциальным каналом общения...”¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Ibid., pp. 18-19, paras. 45-48.

В деле *Кэмпбелла* Европейский суд заявил также в отношении **автоматического контролирования корреспонденции**, что “право на переписку является особенно важным для тюрем, т. к. консультанту по правовым вопросам может быть сложнее лично посещать клиента в связи с... отдаленным расположением тюрьмы”, а также что “цель конфиденциального общения с адвокатом не может быть достигнута, если это средство общения подвергается автоматическому контролированию”¹⁵⁸. Наконец, “сама возможность злоупотребления” со стороны юристов, не соблюдающих профессиональных норм, “перевешивается необходимостью уважать конфиденциальность, присущую отношениям между адвокатом и клиентом”¹⁵⁹. Принимая во внимание тот факт, что отсутствовала “насущная необходимость социального характера” вскрывать и читать переписку г-на Кэмпбелла с его адвокатом, это являлось нарушением статьи 8 Европейской конвенции¹⁶⁰.

В деле *Голдера* заявитель подал жалобу на то, что министр внутренних дел отклонил его ходатайство о предъявлении сотруднику тюрьмы гражданского иска в защиту чести и достоинства. Суд постановил, что “к компетенции самого министра внутренних дел не относится оценка перспектив иска”, который намеревается подать г-н Голдер, однако “только независимый и беспристрастный суд вправе вынести решение по любому подаваемому иску. Отказав в выдаче разрешения, министр внутренних дел нарушил, применительно к г-ну Голдеру, право на обращение в суд, гарантированное в пункте 1 статьи 6”¹⁶¹. По мнению Европейского суда, отказ г-ну Голдеру в переписке с его адвокатом с целью получения юридической консультации в отношении иска в защиту чести и достоинства также нарушает статью 8 Европейской конвенции, поскольку не является мерой вмешательства в отношении его права на уважение его переписки, которую можно было бы считать необходимой в демократическом обществе для любых законных целей, приведенных в Конвенции¹⁶².

В деле *Сильвера и др.* были рассмотрены многочисленные примеры посягательства на тайну переписки заключенных, и, в частности, статья 8 Европейской конвенции **нарушалась**, когда письма задерживались по следующим основным или дополнительным причинам: 1) ограничение общения в связи с правовыми или иными вопросами, включая письмо в Национальный совет борьбы за гражданские права; 2) запрет на подачу жалоб, рассчитанных на обвинение органов власти в несоблюдении закона; и 3) запрет на включение в письма юрисконсультам и членам парламента жалоб, которые предварительно не прошли систему внутренней проверки в тюрьме¹⁶³.

158 Ibid., p. 20, para. 50.

159 Ibid., para. 52 at p. 21.

160 Ibid., p. 21, paras. 53-54.

161 Eur. Court HR, *Golder Case v. the United Kingdom*, judgment of 21 February 1975, Series A, No. 18, para. 40 at p. 20.

162 Ibid., pp. 21-22, para. 45.

163 Eur. Court HR, *Case of Silver and Others v. the United Kingdom*, judgment of 25 March 1983, Series A, No. 61, p. 38, para. 99.

Задержание указанных писем не было сочтено необходимостью в демократическом обществе для различных целей, указанных правительством Соединенного Королевства.

Статья 8 Европейской конвенции также была нарушена в деле *Маккаллума*, поскольку, например, письма истца адвокату и члену парламента были задержаны, так как содержали жалобы на обращение в тюрьме, которые следовало сначала адресовать компетентным тюремным властям (согласно правилу предварительной внутренней проверки); комитет по посещениям тюрьмы наложил на истца дисциплинарное взыскание, предусматривавшее **полный запрет любой переписки в течение 28 дней**, что также было нарушением статьи 8 Конвенции¹⁶⁴.

Наконец, следует отметить в связи с этим, что, хотя Африканская хартия прав человека и народов не гарантирует права на уважение частной жизни, семейной жизни и переписки, данное право оговорено в статье 11 Американской конвенции о правах человека.

Лица, лишенные свободы, имеют право пользоваться теми же правами человека, что и лица, находящиеся на свободе, только при тех ограничениях, которые являются неизбежным следствием заключения под стражу.

Во-первых, задержанные и заключенные имеют право на контакты с родственниками и друзьями без промедления после ареста или заключения под стражу. Кроме того, в продолжение лишения свободы они имеют право поддерживать контакт с родственниками и друзьями путем посещений и переписки через регулярные промежутки времени. Любое посягательство на это право не должно носить произвольного характера (Международный пакт о гражданских и политических правах) и должно иметь правовое основание, производиться в законных целях и быть необходимым в демократическом обществе для достижения подобных целей (Европейская конвенция о правах человека).

Во-вторых, лица, лишенные свободы, имеют право на регулярное посещение своими адвокатами, а также консультации и общение с ними путем переписки, которая должна незамедлительно доставляться с полным соблюдением конфиденциальности отношений между адвокатом и клиентом. В ходе посещений своими адвокатами задержанные и заключенные должны иметь возможность вести переговоры в пределах видимости, но за пределами слышимости служащих органов правопорядка.

¹⁶⁴ Eur. Court HR, *McCallum Case v. the United Kingdom*, judgment of 30 August 1990, Series A, No. 183, p. 15, para. 31.

В целях содействия обеспечению их права на личную безопасность все лица, лишенные свободы, имеют право на беспрепятственное общение для подачи жалоб, в частности, относительно якобы имеющих место неудовлетворительных условий содержания под стражей, пыток и прочих форм жестокого обращения. При организации посещений родственниками тюремная администрация должна обеспечить соблюдение прав и свобод посетителей.

6. Инспектирование мест содержания под стражей и порядок подачи и рассмотрения жалоб

6.1 Инспектирование мест содержания под стражей

Как отметил Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках, “регулярные инспекции мест содержания под стражей, в особенности когда они проводятся в рамках системы периодических посещений, представляют собой одну из наиболее эффективных мер по предотвращению пыток. Инспектирование всех мест содержания под стражей, включая помещения для арестованных в полицейских участках, центры содержания под стражей до начала судебного процесса, помещения служб безопасности, места административного содержания под стражей и тюрьмы, должно осуществляться группами *независимых экспертов*”, членам которых “должна предоставляться возможность разговаривать с задержанными наедине”, а также публично сообщать об обнаруженных фактах¹⁶⁵. Принимая во внимание важность периодических инспекций пенитенциарных учреждений, Комитет по правам человека выразил обеспокоенность “отсутствием независимой системы контроля применительно к: а) нарушениям прав человека сотрудниками полиции; б) условиям содержания в пенитенциарных учреждениях, включая учреждения для несовершеннолетних правонарушителей; и с) жалобам о применении насилия или других злоупотреблениях со стороны тюремных надзирателей”¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Документ Организации Объединенных Наций E/CN.4/1995/34, Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках, пункт 926 с).

¹⁶⁶ В отношении Японии см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том I), стр. 56, пункт 350. См. также в отношении Мексики, поскольку там отсутствовал независимый орган для расследования существенного числа жалоб, касающихся актов пыток и других форм жестокого обращения, там же, стр. 62, пункт 318.

Комитет против пыток также рекомендовал создать “независимые государственные органы, в состав которых входили бы лица с безупречной репутацией, для инспектирования центров содержания под стражей и мест заключения”¹⁶⁷.

Аналогичным образом, Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания рекомендовал властям Швеции “изыскать возможность создания системы, в соответствии с которой каждое тюремное учреждение посещалось бы на регулярной основе независимым органом, уполномоченным проводить инспекцию тюремных помещений и выслушивать жалобы от лиц, содержащихся под стражей, на обращение с ними в этом учреждении”¹⁶⁸.

6.2 Порядок подачи и рассмотрения жалоб (см. также выше, раздел 2.2, “Правовые обязательства государств”)

В замечании общего порядка № 20 Комитет по правам человека отметил, что “во внутреннем законодательстве должно быть признано право подачи жалобы в отношении неправильного обращения, запрещенного статьей 7”, а “жалобы должны расследоваться безотлагательно и беспристрастно компетентными органами с целью обеспечения эффективного использования данного средства правовой защиты”¹⁶⁹. Это всего лишь логическое следствие двойственных обязательств, взятых на себя государствами-участниками согласно пунктам 1 и 3 статьи 2 Пакта: “уважать и обеспечивать” права, признанные в Пакте, и обеспечивать лицу, права и свободы которого нарушены, “эффективное средство правовой защиты”. Комитет по правам человека подчеркнул, что “в связи с обязательствами, закрепленными в статьях 7, 9 и 10 Пакта, Комитет считает крайне необходимым обеспечить эффективными средствами правовой защиты каждого человека, чьи права нарушаются”¹⁷⁰. Еще в одном случае Комитет рекомендовал государству-участнику “создать независимый орган, компетентный получать и расследовать все жалобы, касающиеся применения чрезмерной силы и других проявлений злоупотребления властью со стороны полицейских и других сотрудников сил безопасности”¹⁷¹.

¹⁶⁷ В отношении Намибии см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/52/44, стр. 34, пункт 244.

¹⁶⁸ Council of Europe doc. CPT/Inf (92) 4, *Report to the Swedish Government on the Visit to Sweden Carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 5 to 14 May 1991*, p. 57, para. 5(a).

¹⁶⁹ *Подборка замечаний общего порядка Организации Объединенных Наций*, стр. 192, пункт 14.

¹⁷⁰ В отношении Латвии см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/50/40, стр. 65, пункт 344.

¹⁷¹ В отношении Чили см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, A/54/40 (том I), стр. 45, пункт 206.

Комитет против пыток также рекомендовал государствам – участникам Конвенции против пыток “создать эффективную и надежную систему представления жалоб, которая позволяла бы жертвам пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания подавать жалобы”¹⁷², в частности на сотрудников полицейского управления¹⁷³. Кроме того, Комитет предложил “создать централизованный банк соответствующих статистических данных о жалобах на применение пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, о расследованиях этих жалоб, продолжительности расследований, а также о тех судебных преследованиях, которые по ним возбуждены, и об их результатах”¹⁷⁴.

Пунктом 1 статьи 25 Американской конвенции о правах человека устанавливается право на судебную защиту, при котором “каждый человек имеет право на простое и быстрое обращение или любое другое эффективное обращение в компетентный суд для защиты от действий, которые нарушают его основные права, признанные конституцией или законодательством государства или настоящей Конвенцией”.

По своей природе это право на эффективную правовую защиту от заявленных нарушений прав человека, без сомнения, связано с обязанностью государств-участников расследовать и наказывать за указанные случаи нарушения, обязанностью, которая базируется на пункте 1 статьи 1 Американской конвенции¹⁷⁵. Обязанность по проведению расследований должна “приниматься со всей ответственностью и не сводиться к простой формальности, которая заранее неэффективна”, а также “должна иметь цель и приниматься государством как его собственная правовая обязанность”¹⁷⁶.

Из этого следует, что все жалобы на пытки и другие формы жестокого обращения с лицами, лишенными свободы, или жалобы в отношении любого другого аспекта содержания под стражей и тюремного заключения, которые могут нарушать нормы прав человека, должны расследоваться таким образом, чтобы обеспечить “надлежащее наказание” лиц, ответственных за соответствующие нарушения прав человека, а в отношении пострадавших обеспечить “адекватную компенсацию”¹⁷⁷. Напоминается, что задача проведения расследования является существенной составляющей обязательства государств-

¹⁷² В отношении Польши см. Документы Организации Объединенных Наций, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, А/55/44, стр. 22, пункт 94.

¹⁷³ В отношении Намибии см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/52/44, стр. 34, пункт 244.

¹⁷⁴ В отношении Кубы см. Документы Организации Объединенных Наций, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи*, А/53/44, стр. 20, пункт 118 g).

¹⁷⁵ *I-A Court HR, Villagrán Morales et al. Case (The “Street Children” Case), judgment of November 19, 1999, Series C, No. 63*, pp. 194-195, para. 225.

¹⁷⁶ *I-A Court HR, Velásquez Rodríguez Case, judgment of July 29, 1988, Series C, No. 4*, p. 156, para. 177.

¹⁷⁷ *Ibid.*, p. 155, para. 174.

участников по “осуществлению необходимых шагов, направленных на **предотвращение** нарушений прав человека”¹⁷⁸; если виновные в данных нарушениях знают о том, что серьезного расследования их действий предприниматься не будет, они не будут иметь стимула их прекратить, и, вероятнее всего, по этому вопросу в обществе воцарится атмосфера **безнаказанности**.

Таким образом, Межамериканский суд установил нарушение правовых обязанностей государств-участников по проведению расследования и наказанию в ряде случаев, когда люди исчезли или были найдены мертвыми после похищения, незаконного задержания и пыток¹⁷⁹.

Статья 13 Европейской конвенции о правах человека также предусматривает право “на эффективную правовую защиту”, и, по словам Европейского суда по правам человека, это означает, что на национальном уровне должны иметься “средства правовой защиты, обеспечивающие соблюдение сути прав и свобод, установленных Конвенцией, в каком бы виде они ни были закреплены во внутригосударственном правопорядке”. Несмотря на то что “государства-участники имеют определенную свободу в отношении того, в какой форме соблюдают свои обязательства по данному положению Конвенции”, средство правовой защиты, необходимое в связи с этим, “должно быть ‘эффективным’ на практике, как и по закону, в частности в том смысле, что его применение не должно неоправданно затрудняться действиями или бездействием властей государства-ответчика”¹⁸⁰. В деле *Чакичи*, которое касалось исчезновения брата истца, Суд постановил, что:

“Принимая во внимание принципиальную важность рассматриваемых прав, права на защиту жизни и свободу от пыток и жестокого обращения, статья 13 предусматривает, без ущемления любого другого средства правовой защиты, существующего в национальной системе, обязательство государств проводить полное и эффективное расследование, в результате которого бы ответственные были найдены и наказаны, а истец обладал бы эффективным доступом к следственному производству”¹⁸¹.

Таким образом, статья 13 в деле *Чакичи* была нарушена, т. к. правительство Турции не выполнило свое обязательство по “проведению эффективного расследования исчезновения брата истца”, что также “подорвало эффективность любых других средств правовой защиты, которые могли использоваться”¹⁸².

178 Ibid., loc. cit. (курсив наш).

179 См., например, *I-A Court HR, Velásquez Rodríguez Case, judgment of July 29, 1988, Series C, No. 4 and I-A Court HR, Villagrán Morales et al. Case (The “Street Children” Case), judgment of November 19, 1999, Series C, No. 63.*

180 *Eur. Court HR, Case of Çakici, judgment of 8 July 1999, Reports 1999-IV, p. 617, para. 112.*

181 Ibid., p. 618, para. 113.

182 Ibid., para. 114.

В связи с этим правовые обязанности государств-участников носят двоякий характер, поскольку они обязаны как эффективно расследовать заявленные случаи нарушений прав человека, так и обеспечивать эффективные средства правовой защиты фактически пострадавшим.

Регулярное инспектирование всех мест содержания под стражей независимыми группами является действенным способом предотвращения пыток и других видов жестокого обращения и должны систематически проводиться во всех странах. Для большей эффективности подобных посещений члены группы должны иметь возможность свободно и конфиденциально общаться со всеми задержанными и заключенными, а также публично отчитываться о результатах инспекций.

Лица, лишенные свободы, имеют право на эффективное средство правовой защиты в случае возможного нарушения их прав человека, включая, в частности, право на защиту от пыток и других видов жестокого обращения, и для этого должны иметь беспрепятственный доступ к эффективным процедурам подачи жалоб, результатом которых должно быть безотлагательное, серьезное и объективное расследование жалоб органами власти.

Доказанные случаи пыток или других видов жестокого обращения должны быть должным образом наказаны, а потерпевший – получить соответствующую компенсацию.

Существование эффективных процедур подачи жалоб, последовательное и решительное расследование и рассмотрение жалоб лиц, лишенных свободы, оказывают значительный сдерживающий эффект в отношении проявлений всех видов пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

7. Роль судей, прокуроров и адвокатов в предотвращении незаконного обращения с лицами, лишенными свободы, и предоставлении средств правовой защиты

Как показано в настоящей главе, государства также обладают правовой обязанностью гарантировать соблюдение прав человека лицам, лишенным свободы, и обеспечивать независимые, беспристрастные и эффективные процедуры подачи и рассмотрения жалоб, в ходе которых можно было бы рассматривать заявления о нарушениях их прав, а также предоставлять надлежащие средства правовой защиты при обнаружении нарушения прав того или иного лица. В этой области многое еще предстоит сделать, учитывая, что пытки и другие формы жестокого обращения с задержанными и заключенными, включая незаконное получение признания под принуждением, все еще широко применяются во многих странах. Ввиду этого роль судей, прокуроров и адвокатов в обеспечении *как* подлинного соблюдения этих прав, *так и* эффективной работы системы подачи и рассмотрения жалоб, является незаменимой и многогранной.

Адвокаты обязаны всегда защищать и отстаивать интересы своих клиентов, а также отслеживать все признаки пыток и других форм жестокого обращения и энергично применять все имеющиеся средства подачи жалоб по поводу подобного обращения. Если возможности подачи жалобы отсутствуют, в качестве крайней меры можно подать жалобу в компетентный орган на международном уровне.

Как следует из текста настоящего Пособия, на *прокуроров* возложена особая обязанность принимать все необходимые меры для того, чтобы предать правосудию подозреваемых в нарушении прав человека, таких как пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение. Их работа является чрезвычайно важной как в отношении применения средств правовой защиты по уже происшедшим нарушениям прав человека, так и в отношении предотвращения таковых в будущем. Эффективность работы прокуроров, безусловно, предполагает, что они способны действовать независимо и беспристрастно, без вмешательства со стороны исполнительной власти (см. Главу 4). Прокуроры не имеют права полагаться на доказательства, полученные незаконными средствами, связанными с нарушениями прав человека.

И наконец, *судьи* должны также иметь возможность независимо и беспристрастно выносить решения по всем заявлениям о нарушениях прав человека. Ни при каких обстоятельствах они не должны принимать признания, полученные от подозреваемых путем пыток или других форм принуждения. Кроме того, как и прокуроры и адвокаты, в особенности в тех странах, где, как известно, применяются пытки и другие виды жестокого

обращения, судьи должны постоянно отслеживать все признаки подобного обращения и принимать необходимые правовые меры для защиты граждан и искоренения подобной практики.

Если правительство страны не желает или не может принять действенные меры по искоренению пыток, профессиональная обязанность судей, прокуроров и адвокатов – сделать все возможное, для того чтобы помочь пострадавшим и предотвратить в будущем подобное обращение, как разъяснено в настоящей главе. Для этого они должны постоянно быть в курсе международных норм в отношении прав человека, применяемых международными органами надзора.

Судьи, прокуроры и адвокаты играют ключевую роль в защите прав человека в отношении лиц, лишенных свободы, и должны иметь право выполнять соответствующие правовые обязанности в условиях подлинной независимости и беспристрастности.

8. Заключительные замечания

В настоящей главе приведен обзор некоторых из основных прав человека, которыми лица, лишенные свободы, продолжают пользоваться на протяжении всего срока содержания под стражей, включая, в частности, право на личную неприкосновенность и безопасность, а также вытекающее из него право на свободу от пыток и других видов жестокого обращения. Хотя обеспечение гарантий соблюдения этих прав и процедур подачи и рассмотрения жалоб, включая эффективные средства правовой защиты, является правовой обязанностью государств в соответствии с международным законодательством в области прав человека, чтобы стать реальностью, подобные процедуры и средства правовой защиты требуют полноценного участия юристов. Если юристы не желают взять на себя выполнение данной задачи, физические лица оказываются в правовом вакууме и становятся легкой добычей произвола. Правовая обязанность государств в соответствии с международным законодательством в области прав человека – обеспечить условия для исполнения этих обязанностей судьями, прокурорами адвокатами в духе подлинной независимости и беспристрастности.